

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

УТОЛИ МОЯ
ПЕЧАЛИ

Сергей Алексеев
Утоли моя печали

«Алексеев Сергей»

1998

Алексеев С. Т.

Утоли моя печали / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 1998

Специалист по раскрытию ритуальных убийств Сергей Бурцев получает задание Генпрокуратуры проверить сведения о захоронении останков царской семьи – не на Урале, а в районе поселка Усть-Маега на Валдайской возвышенности. В процессе расследования постепенно выстраиваются в одну цепочку и приобретают для Бурцева важный смысл происшествия разных лет: дело безымянного старца, похороненного в чужой могиле и обезглавленного после смерти, несчастный случай на охоте, похищение монаха из Свято-Кирилловского монастыря и авария, в результате которой погиб работник лебединого заповедника. Кроме того, Бурцеву приходится вступить в противостояние с действующей в государстве неконтролируемой спецслужбой...

© Алексеев С. Т., 1998

© Алексеев Сергей, 1998

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	13
Глава вторая	19
1	19
2	22
3	27
Глава третья	31
1	31
2	34
3	38
4	41
5	46
Глава четвертая	50
1	50
2	56
3	61
4	62
5	66
6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Алексеев

Утоли моя печали

Глава первая

Золоченый кубок

1

Они снова встретились на служебной лестнице, точнее, на площадке между этажами. Он поднимался вверх и очень спешил, она спускалась вниз, как всегда грациозно, царственно – не шла, а несла себя, отстукивая каблукчиками ритм его сердца.

Бурцев увидел ее раньше, вернее, сначала узнал шаги и остановился, закрыв глаза, считал на слух ступени под ногами Наденьки. Стук прервался на третьей.

– Сережа?.. Здравствуй.

Перед ней трепетали не только областные прокуроры, но и многие начальники центрального аппарата. Бывало, входили на полусогнутых, выходили с испариной на лбу и облегченным вздохом. Потом говорили, что у нее совсем не женский характер, что ей опасно смотреть в глаза и что ложь она чувствует еще до того, как ты успел открыть рот.

Ей уже давно дали прозвище – Фемида.

Но сейчас их никто не видел, и потому голос ее звучал как оброненная на пол монетка.

Бурцев поднял веки – Наденька смотрела на него, чуть склонив маленькую головку с тяжелой прической и оперевшись рукой о поручень. Ему показалось, что тонкие ее пальчики с удлинненными ноготками чуть подрагивают.

– Привет, – сказал он. – Опять мы с тобой на лестнице...

– Да? Почему опять? – как-то отвлеченно спросила она.

– Потому что в прошлый раз мы встречались на этой же лестнице. Только двумя этажами выше. Ты поднималась, я спускался...

– Да?.. Странно, а я забыла...

– Два года прошло, к тому же ты всегда была забывчивой...

– Ладно, иди ко мне в кабинет, я сейчас приду. – Взгляд ее был рассеянным, мысли витали в облаках.

– Почему к тебе? Меня срочно вызвали к Генеральному, я только из командировки...

– Сначала ко мне, это я тебя пригласила.

– Странно... Зачем? – Бурцев усмехнулся. – Это что, свидание? Неужели соскучилась?

– Не на лестнице же объяснять. – Она не приняла шутки. – А ты опять был в командировке?

– Мое нормальное состояние – командировки...

– Я всегда боялась, что однажды ты уедешь и никогда не вернешься... Зачем отпустил бороду, Сережа? Она тебе не идет.

– Ты просто не привыкла...

– Все равно! Сбрей.

– Вся сила моя – здесь! – еще раз отшутился Бурцев и впустил бороду. – Что естественно, то не безобразно.

– Ну все, поднимайся ко мне! – Наденька, как в студенчестве, будто бы махнула рукой, но только обозначила это движение. – Мы давно ждем тебя!

– Кто это – мы? Ты с Вадим Вадимычем?

– Мы с Генеральным. Для тебя есть специальное поручение! Ты занимался костями в восемьдесят седьмом году?

– Костями? – переспросил Бурцев. – Какими костями?

– Помнишь, с черепом все возился, на эксгумации выезжал... Иди ко мне в приемную и жди. А я сейчас вернусь!

Из Наденьки она превратилась в Фемиду и слова уже не роняла, а припечатывала, как контрольный штамп прокурорского надзора.

Правда, тремя ступенями ниже чуть отступила назад и добавила:

– Скажи, чтобы впустили ко мне. И пусть секретарь приготовит кофе.

Сергей поднялся на четвертый этаж, вошел в приемную, но не стал проситься в кабинет и сел в кресло для посетителей. Передавать распоряжение по поводу кофе тоже сначала не захотелось: незнакомый ему хозяин приемной, должно быть, из бывших районных следователей, выгнул седую бровь и устроил допрос:

– Надежды Николаевны нет. Вы по какому вопросу?

– По вопросу костей, – съязвил Бурцев, демонстративно снимая форменный китель с зелеными петлицами. – Ну и жара у вас...

Это секретарю не понравилось, он, вероятно, многим подражал за свою жизнь. Теперь на старости лет – новой начальнице.

– Каких костей? – спросил со строгой брезгливостью.

– Должно быть, человеческих. Каких же еще?

– Вам назначено время? Ваша фамилия?

– Знаете что, приготовьте-ка лучше кофе, – посоветовал Сергей. – Я люблю черный без сахара, а Наденька – с пенкой и лимоном...

Бровь секретаря выпрямилась и дрогнула, как стрелка компаса. Он молча открыл стенной шкаф и зазвенел там посудой. В руке мелькнуло золотое пятнышко лимона...

Наденька вернулась через десять минут, когда кофе уже был на подносе.

– Почему ты здесь? – спросила на ходу. – Я же сказала – ко мне.

Секретарь стоял как вышколенный официант из «Пекина».

В начале девяностых какой-то обкурившийся подонок в Средней Азии разрядил автоматный магазин по прокурорской машине. Наденьке тогда досталось две пули: одна в правую лопатку, вторая – касательно по позвоночнику. От первой все зажило, но от второй остался след, хотя она никогда не показывала виду, что ей больно, когда садится на жесткий стул.

Она не захотела опускать себя в начальническое мягкое кресло, а села за приставной стол напротив Сергея. И сейчас ей было больно, хотя движения ее оставались царственными.

Выждала, когда секретарь закроет за собой дверь.

– Прессу читаешь иногда, Сергей Александрович? – спросила Фемида, играя ложечкой с кружком лимона в своей чашке. – Слышишь, какой кавардак творится с царскими костями?

– Так, краем глаза читаю, краем уха слышу, – проговорил он, откровенно любуясь ею. – А телевизор вообще не смотрю.

– А зря!.. И что можешь сказать по этому поводу?

– У меня субъективное мнение.

– Какое же?

– Если бы раньше допустили к этому делу, в течение месяца доказал бы, что косточки из-под Екатеринбурга вовсе и не царские. И потому никто меня к этому делу не допустил на пушечный выстрел.

– Так... Это любопытно! Почему?

– Почему не допустили?

– Ну да, почему? Это по твоей специальности...

– Срочно потребовались останки Романовых. Когда партия говорит – надо...

– А сейчас перегорел? Не хочешь сам?

– Встал в очередь за судейской мантией, – не сразу сказал Сергей. – Может, там повезет?... А потом, знаю, разыгрывается очередной сценарий политических интриг, и не хочу связываться.

– То есть косточки не царские? И у тебя есть факты?

Секретарь кофе не пожалел, сварил такой, что от горечи сводило рот.

– Надежда Николаевна, а ты веришь в тонкие материи?

– О чем ты? – насторожилась она, смущенная его взглядом и тоном.

– Нет, я сейчас не о своих чувствах. Они довольно грубые, – упредил Сергей. – О тонких материях. Как их в старину называли, об эфирах, которые нас окружают. Которые заставляют нас совершать какие-то поступки, приводят к догадкам и откровениям на подсознательном уровне.

– Ясновидящим и гадалкам я не верю! – сказала Фемида, и он сразу же услышал намек, занозу, до сих пор сидящую в ней. – Если можно, покороче, Сергей Александрович. И более профессионально.

Бурцев отхлебнул кофе, поморщился, проглотил горечь и улыбнулся:

– Если профессионально, то у меня есть косвенные, но убедительные факты, что останки семьи Романовых на следующий день после расстрела бесследно исчезли, а вернее, были вывезены неустановленными лицами и в неустановленном направлении, но далеко за пределы Екатеринбургской губернии.

– Серьезное заявление, – помедлив, обронила Наденька и чуть пошевелилась на стуле, выискивая положение, чтобы не болела спина. – Откуда же этот писатель достал косточки? И чьи они?

– Достал он их из земли, разумеется, а вот чьи они – установить не удастся. В любом случае не царские, это ясно.

– Зачем ему это было нужно?

– Поступил приказ – найти. По горячим следам искали – не нашли. А он спустя семьдесят лет раз – и нашел. Впрочем, сначала был приказ снести дом Ипатьева. Перетереть его в пыль и вывезти на свалку. Чтобы таким образом убрать главного свидетеля, можно сказать очевидца, потому что стены тоже имеют глаза и уши. Но это уже относится к тонким материям...

– Сергей Александрович!

– Виноват, – усмехнулся Бурцев. – Больше не буду.

– Кому выгоден этот подлог?

– О, многим! Начни пальцы загигать – пальцев не хватит.

– Пожалуйста, конкретнее.

Она так и не могла найти удобного положения на жестком стуле, боль скулила в пояснице, между вторым и третьим позвонками. И все-таки не хотела пересаживаться в кресло. Вскоре после ранения у нее вообще отказали ноги, и больше месяца она пролежала без движения, а Бурцев по очереди с мужем Наденьки Вадим Вадимычем все это время просидели возле больничной койки. Кормили и поили, пока не поджила правая рука, и еще вслух читали ей старые любовные романы. Телевизор был в палате, но она запрещала его включать, потому что там уже всюду стреляли, а вот чтение слушала с жадным удовольствием, хотя в романах этих была скукота и смертная тоска. Сергей иногда засыпал сидя и, теряя строчку, молотил что-то от себя. Как потом выяснилось, и Вадим Вадимыч засыпал над книжкой.

Скоро Наденька запретила ходить обоим и взялась вытаскивать себя из постели...

Говорят, и до сих пор каждое утро бегают по десять километров по своим Воробьевым горам.

– Хорошо сказать – конкретнее... – проворчал Бурцев. – Но предупреждаю, мнение субъективное.

– С каких пор ты стал таким осторожным?

– В подлоге заинтересован в первую очередь Ватикан. Православная Церковь объявляет царскую семью святыми великомучениками, останки автоматически становятся мощами, к которым станут прикладываться верующие в ожидании чуда. А чуда нет по известной причине. Но это тоже из области...

– Продолжай! – прервала Фемида.

– Потом находят настоящие косточки Романовых. И Церковь оказывается в великом грехе и смущении. Экуменистическая пресса визжит от восторга, на тысячелетней истории православия, на Третьем Риме ставят последний крест.

– Считаешь, настоящие обязательно найдут?

– Дай только срок...

Надежда встала и, делая вид, что размышляет, прогоняла боль движением, ступала размеренно, твердо и почти беззвучно по ковровому покрытию на полу.

– Тебе бы спрыгнуть с каблучков, – не утерпел и посоветовал Бурцев. – На плоской подошве легче...

– Кому еще? – Она лишь сверкнула глазами от недовольствия.

– Для остальных это все уже грубая материя. Президенту – как доказательство несостоятельности традиционной конфессии, премьеру – как отвлекающий народную боль горчичник: ходили в трауре по принцессе Диане, теперь в трауре по убиенным царям. А всенародный скандал ему нужен до зарезу, чтобы голодные шахтеры не думали о хлебе насущном...

– Хватит, – тихо вымолвила Наденька и села на стул. – Опять ты за свое...

– Я предупреждал.

Она еще раз попыталась угнездиться, но ничего не получилось, боль начинала ее раздражать.

– Можешь объяснить, почему твоих шахтеров все это так притягивает? Диана, царские косточки. – Фемида снова заходила по кабинету. – Так поглупели? Или это тоска по государю?

– Сначала запретила говорить об эфирах...

– А ты всегда представлял меня монстром, – вдруг обиделась она. – А еще близкий человек...

– Я просто тебя люблю...

– Ой, отстань! – по-студенчески отмахнулась Фемида и вынула из сейфа коробку от каких-то лекарств. – Суть дела такова. Генпрокуратурой получена странная бандероль... Точнее, письмо с фотографией и бутылка с водой. Все по твоей теме, по твоему профилю – о чудесах.

– Обожаю чудеса! – засмеялся он. – Ты бы взяла вот и сделала чудо, самое маленькое...

– Прекрати, Бурцев. – Фемида достала из коробки флакон из-под шампуня. – Никто бы с этим не стал возиться, но фотография любопытная...

– А что во флаконе? Средство от перхоти?

– Утверждается, что живая вода.

– Живая вода? – Веселость с Бурцева слетела мгновенно. – Кто прислал? Откуда? Дай флакон!

– Ты можешь выслушать спокойно?

– Не могу. – Он отвернул пробку, понюхал, смело набрал в рот, подержал, чтобы ощутить вкус, и проглотил.

– Что ты делаешь? – возмутилась Фемида.

– Да, это живая вода, – уверенно сказал он. – Только почему здесь так мало? Столько прислали? Или раскушали?

– Ну ты вообще, Бурцев! Это же вешдок! Ты чокнутый!..

– Это не вешдок, Наденька, это настоящая живая вода. На экспертизу отправляла?

– Разумеется!.. А если бы там был яд, Бурцев? У тебя что, с крышей плохо?

Ему нравилось, что она перешла на студенческий жаргон и испугалась.

– Живой водой не отравишься. Впрочем... Ладно, это все тонкие материи. Что показала экспертиза?

– Ничего особенного... Обыкновенная талая вода. Ионы, соли и прочее. Отдай вешдок, пока не допил.

– погоди, Наденька. – Он спрятал флакон за спину. – Подчинись мне один раз! Единственный! У тебя болит спина. Вижу, не надо! Хочешь, сейчас боль пройдет. Ненадолго, потому что мало живой воды, но пройдет.

– Перестань, Сергей Александрович. – Голос ее все-таки надломился. – Фокусник, тоже мне... Не верю в твои чародейства!

– Ну один-единственный раз, Надежда! Как головой в омут, а?

– Я все перепробовала. Даже Илизаров не помог...

Она посидела, глядя перед собой, вздохнула с равнодушным видом:

– Ладно... Что я должна делать? Лечь?

– Заголи спину и сядь.

Наденька сняла форменный пиджак, подтянула вверх юбку и села верхом на стул, подставила ему спину.

– Шамань, шаман...

Бурцев засучил рукава, бережно поднял белую форменную блузку и обнажил спину Наденьки, сразу же ставшую узкой и беспомощной. Пулевые ранения чистили и зашивали в местной больнице, и потому на нежной девичьей коже остались грубые, жесткие шрамы. Он осторожно набрал в ладонь воды из флакона и стал втирать в поясницу.

И вдруг подумал: какова была бы физиономия у ее секретаря, зайдя он сейчас в кабинет? Грозная начальница сидит с задранной юбкой и голой спиной, на которой не видно полоски бюстгалтера, а посетитель что-то там колдует...

Даже захотелось, чтобы вошел, – неплохая месть за неласковую встречу и деготь в чашке вместо кофе...

– И это ты называешь лечением? – не вытерпела Наденька. – Хотя бы пошептал что-нибудь для антуража...

– Шептать буду на ушко, – проговорил он, испытывая волнение от прикосновений к ее телу. – Если Вадим Вадимыч уедет в командировку...

– Раньше ты не говорил пошлостей женщинам.

– Видишь, как опустил. – Он вылил остатки воды на ладонь и снова стал втирать – кожа и особенно рубцы шрамов поглощали ее мгновенно.

Наденька неожиданно замолчала и замерла, облокотившись на спинку стула и положив голову на сгиб руки. Он почувствовал, как ей приятно; он знал, что ей приятно.

– Здорово, если кто-нибудь войдет, – вдруг сказала она и тихо улыбнулась, – например, мой секретарь.

– Я тоже об этом думал, – откликнулся он. – Но не войдет.

– Этот не войдет. И никого не пустит... Слушай, Бурцев, зачем ты отрастил бороду? Без нее у тебя был такой... мужественный вид.

– Знаешь, почему бояре сопротивлялись Петру, когда он стал резать им бороды?

– Ну почему? Просвети глупую бабу.

– Потому что в то время на Руси брились только голубые!

– Какая гадость... А они что, и тогда были?

– Были, иностранцы и свои, отечественные. О безбородых говорили, что они носят блядский образ.

Наденька скосила на Бурцева глаза, словно убеждаясь, не шутит ли он.

– Сегодня же Вадим Вадимычу скажу, чтоб обрастал.

Муж ее работал в Министерстве по внешнеэкономическим связям и, насколько знал его Сергей, был человеком интеллигентным, мягким, лет на двадцать ее старше, так что закрадывалось подозрение, что он подкаблучник. Впрочем, с такой женой это не мудрено, тем более Вадим Вадимыч был в вечном долгу перед ней. Когда-то он попал в прокурорские сети по серьезному уголовному делу, однако Надежда выгородила, спасла его от неминуемой тюрьмы, а потом вышла за него замуж. Об этом он рассказал Бурцеву, когда они дежурили у ее постели...

– Скажи мне, Сережа... А зачем ты меня бросил? – глядя в дверь, внезапно спросила Наденька.

– Я тебя не бросал. – Бурцев вытряхнул последние капли из флакона на спину. – Ты сама ушла.

– Ушла... Но после того, как ты изменил мне. С этой!..

– В чем сразу же сам признался!

– Попробовал бы не признаться...

– Мысль такая была... Но черт за язык дернул.

– Во-первых, не черт, а черт женского пола. Во-вторых – не за язык.

– Не хамите доктору, больная!

– Ох ты и дурак, Бурцев! Какой же ты дурак! А еще с бородой.

– Больная!

Наденька вдруг встала, одернула юбку и резко присела.

– Знаешь... Кажется, я уже не больная.

– Что я тебе говорил?

– Нет, правда! – искренне воскликнула она, все еще приседая и заправляя блузку. – Совсем не болит!.. Это от воды или от твоих рук? Ты что, Кашпировский?

– Если бы ты, дуреха, не отправила живую воду в химлабораторию, вообще бы мог вылечить. – Сергей завернул пробку и положил флакон.

– Неужели это от воды?.. Чертовщина какая-то!

– Наоборот, благодать Божья.

Наденька набросила на плечи свой пиджак, отошла к окну и минуту смотрела на московские зеленые крыши.

– Спасибо за лечение, кудесник. А как ты определил, что вода живая? Ты ее прежде пробовал?

– Только однажды, – грустно проговорил он. – Выпил целый стакан.

– У этой сумасшедшей женщины?.. Ладно, не отвечай, я и так знаю... Ты с нею живешь?

– Я живу один. И не хочу жениться, так что не уговаривай.

– Ты их не разыскал? Ну и подлец...

– Не вмешивайся в мою личную жизнь.

– Тебе уже тридцать семь, Сережа!

Два года назад, когда они в последний раз встречались на лестнице, она точно так же уговаривала его завести семью и обязательно – детей. И тогда он, не подумав, признался, что у него есть ребенок, девочка, только он никогда ее не видел.

В словах же Наденьки слышалась затаенная боль: после ранения врачи категорически запретили ей рожать.

В ее тридцать три...

– Пожалуй, мне пора! – заявил Бурцев. – Мы все вопросы выяснили относительно косточек?..

Наденька мгновенно обратилась в Фемиду:

– Не все! Я еще не отпускала тебя, Сергей Александрович. Ты отвлекся на... живую воду и не дослушал. Здесь еще имеется информация по поводу захоронения останков царской семьи. И не на Урале...

– Знаешь, меня это перестало интересовать, – признался Бурцев. – Надоело гоняться за призраками...

– Но ты так загорелся, когда услышал о живой воде.

– Если не на Урале, то где?

– Информация секретная. Где-то в районе поселка Усть-Маега, на Валдайской возвышенности.

– Точного указания нет?

– Что, совпадает с твоими данными?.. Вернее, не с твоими, а... ЕЕ предсказаниями?

– Она совершенно ни при чем. Мои данные из другого источника.

– Точного указания нет. – Наденька достала из коробки фотографию и письмо. – Источник опасается утечки и не сообщает, нужно выезжать на место. И желательно сейчас, поскольку на меня уже оказывают давление... – Она сделала короткую паузу. – Мне необходимо провести проверку, негласную... Нет, я бы обошлась и без тебя, но есть одно обстоятельство. Человек, передавший сведения о захоронении, согласен работать только с тобой.

– Он что, мою фамилию называет? – спросил Бурцев.

– Как ни странно, а называет. То есть, возможно, вы с ним знакомы. Прямо или косвенно. С твоим руководством вопрос будет решен... Я давала задание ФСБ провести оперативную проверку. В Усть-Маегу отправили опытного сотрудника... Он пробыл там чуть ли не месяц и вернулся... Ну, в общем, инвалидом.

– Что же с ним случилось?

– Не сказать, что сошел с ума. – Фемида подбирала выражения. – Сначала я заметила, когда читала отчет о командировке, и потом, в личной беседе... Нет, он профессионал, тут не может быть вопросов. И потому слышать это от него весьма странно...

– Что именно слышать? – поторопил Бурцев.

– Утверждения... Допустим, что у нас в стране созданы все предпосылки для установления матриархата как нового вида власти. И это единственный способ удержать человечество от безумия и хаоса, от жестокости, цинизма и безверия, от войны всех против всех. Якобы возникает мощный диссонанс между личностью и властью. Личность с младенчества и до совершеннолетия формируется женщиной, сначала матерью, потом детский сад и школа, где в основном работают женщины, в институтах тоже... И наконец, появляется жена, которую первые семь лет еще любят и потому подвергаются влиянию... Закладывается определенный вид психики, мироощущения, и возникает конфликт уже не между полами, к чему мы привыкли, а мужчин с патриархальной властью.

– И тебе это не понравилось? Ты же яркая представительница матриархата...

– При чем здесь я? – посуровела Фемида. – Человек в здравом уме может высказывать подобные мысли? Тем более делать такие выводы? Мало того, он написал в отчете, что в России существует заговор сторонников матриархата и что эта... партия не партия, не знаю, скоро охватит весь мир и легко придет к власти. Потому что скоро прозвучит откровение.

– И вы за это посадили сотрудника на инвалидность? Признали душевнобольным?

– Кто его сажал?.. На инвалидность его отправили по другой причине. Кто-то его там поймал – говорит, что женщины! – и, по сути, кастрировал. Но способом, прямо сказать, изверским, без всяких следов насилия: привязали между деревьев и посадили на кусок льда. В результате он утратил... все функции.

– И ты теперь хочешь отправить меня вслед за ним? – засмеялся Сергей, но Фемиде было не до веселья.

– Хочу предупредить тебя! Возможно, встретишь своих знакомых. Почему называют твою фамилию?.. Посмотри вот. – Она протянула ему письмо. – Может, почерк узнаешь?

– И ты подозреваешь, что это Ксения? Думаешь, она прислала живую воду? Заинтриговала, чтобы вызвать к себе?

– Меня это не интересует! – жестко и все еще ревниво произнесла Фемида. – Я хочу проверить информацию, это задание Генерального. На, читай письмо.

Бурцев отвернулся и вздохнул.

– Не хочу возвращаться туда, где было хорошо, – устало проговорил он.

– Это ты о чем?

– Да все о том же, – отмахнулся Сергей, – о материях...

Фемида решила отработать назад и сделать заход с другой стороны, он знал ее тактику вдоль и поперек.

– Мы много наделали ошибок, и ты, и я... Но дело прошлое, теперь уж ничего не вернуть. Да и в душе-то ничего не осталось. Память – это же не любовь, правда? Всего лишь память... Ну вот опять свела жизнь, так давай без обид и воспоминаний. Деловое сотрудничество. Ты же специалист! Занимался делами по ритуальным убийствам, блестяще делал самые сложные экспертизы... Я же помню! Вероятно, потому и назвали тебя в письме...

– Спасибо за комплименты! – перешел Бурцев в наступление. – Было, не скрою, даже премию давали. Да все быльем поросло.

– Я не о том. Хочу сказать, это же естественно, что автор письма доверяет только тебе...

– А я о том! – загорячился он и ощутил за грудиной жжение. – Мне не дали довести до конца ни одного дела! Ни по ритуальным убийствам, ни по косточкам и черепам! Ни одного! Потому что я всякий раз входил в запретную для закона зону! А помнишь, кто не давал?..

– Хочешь сказать – я?! Я в этом виновата? Это я определяю запретные для закона зоны?!

Наденька вскочила со стула и стремительно вышла в приемную: освобождение от боли как бы одновременно освободило ее и от царственной походки.

Назад вернулась через минуту – верно, что-то сказала секретарю.

– Я подумал, ты за наручниками, – пошутил Бурцев и встал. – Значит, я свободен?

– Идите, Бурцев! – бросила Фемида, словно зимний ветер горсть колкого снега, глядя в сторону.

– Ого! – сказал он с порога. – Мы уже на вы?

Секретарь в приемной вскочил и услужливо склонился – подслушивал, что ли, старый стервец?..

2

Не прошло и суток после этой случайной встречи с Фемидой, как Бурцева срочно потребовал Генеральный. Это был плохой звонок, неприятный сигнал опасности...

Когда-то давно, в студенчестве, случайный знакомый, величайший и мудрый пошляк, научил Бурцева, как не влюбляться с первого взгляда и как не бояться самого высокого начальника. Способ был чисто умозрительный: следовало представить себе, как вскружившая голову девица или свирепый руководитель сидит утром на унитазе и, краснея, пыжится от напряжения. Бурцеву это средство не однажды помогало...

Фемида уже все устроила и доложила о субъективном взгляде Бурцева на проблему царских костей. Генеральному такие вольные рассуждения не понравились, и хотя об этом впрямую сказано не было, однако намек прозвучал довольно выразительно. Если, мол, тебя не подпускают к делу, то это вовсе не значит, что все, кто им занимается, круглые дураки и ничего не соображают в политических играх, в частности и вокруг останков семьи Романовых. Таким образом он как бы выдал свою причастность к афере вокруг костей и в общем-то был ею недоволен, поскольку мог оказаться крайним: на прокуратуру потом свалят всю вину, дескать, вы устанавливали подлинность, вы проводили экспертизы, вы теперь и отвечайте. И потому, как человек дальновидный и хитрый, рассчитывал подстраховаться, втайне от инициаторов авантюры проверяя всякую информацию относительно захоронения узников Ипатьевского дома: предупреждение о полной конфиденциальности разговора и предстоящей прокурорской проверке последовало сразу же, как только Сергей перешагнул порог кабинета Генерального. Никаких отказов он не принимал, ссылку на то, что Бурцев вот уже год стоит в очереди на судейское место и собирается расстаться с прокуратурой в ближайшем месяце, пропустил мимо ушей.

Подмывало высказать свои старые обиды, когда у Бурцева отнимали, а потом разваливали перспективные уголовные дела, но сейчас это могло выглядеть как торговля, и к тому же Генеральный сидел на этом месте третий год и за своих предшественников не отвечал. Словом, предстояло, не откладывая, найти какое-нибудь заделье, например проконтролировать ход следствия по делам, стоящим на учете в Генпрокуратуре, и выехать в поселок Усть-Маега, расположенный где-то на Валдайской возвышенности, в Рипейских горах, как называлось это место в древности. И там, на месте, проверить сообщение некоего гражданина Тропинина, якобы владеющего документальными свидетельствами об истинном месте захоронения расстрелянной царской семьи. Флакон из-под шампуня был якобы наполнен из святого источника, который течет где-то рядом с могилой.

Эта информация взволновала Сергея и заставила отказаться от мысли, с которой он пришел к Генеральному, – не ехать в командировку под любым предлогом. Он пожалел, что не прочитал письма еще вчера, в кабинете Фемиды. Ведь давала же, прямо в руки!..

На это письмо, адресованное лично Генеральному, впрочем, как и на бутылку с живой водой, не обратили бы внимания – мало ли полоумных чудаков? – если бы не называлась фамилия Бурцева, а в конверте не оказалась бы фотография записки, выполненной на полоске бересты. Текст ее был выдавлен чем-то вроде тупого шила, но самое интересное – буквы напоминали древнерусское полууставное письмо: «Христос воскрес, брат Аполлинарий. Побывал я ныне в Заозерной пустыни, поклонился августейшим мощам, и молился у камня трое суток, и благодать получил, о чем и свидетельствую перед Господом. Спешу теперь к сестрам пореченским, поведу к святому месту, к мощам чудотворным, в Палестину нашу, инно ведь изверились, сироты, на скитальцев обижаются и дурнословят, а сами и не ведают Божественной Благодати!.. У скитальцев худо дело, живых токмо четверо и осталось, в страстную неделю старший Орефий преставился, а младший болеет, не встает, иссох весь, да ведь уж отвековал

свое, сто девятый год пошел. Отправь к ним кого помоложе, из саватеевских возьми или костоправских, других не примут. Ржи они не посеяли, боятся антихристовых аэропланов, прилетал один в прошлом году на Троицу, кружил, высматривал. Так что пошли им до ледостава муки, соли да патронов винтовочных, инно не перезимуют. Благословляю тебя, брат, Апостолом старого письма, а за Поучения старцев спаси Христос».

Бурцев прочитал это в переводе, записанном на отдельном листе; на фотографии без лупы читались лишь отдельные слова и буквы. Автор письма Тропинин утверждал, что знает, где находится эта Заозерная пустынь, вернее, где находилась, потому что сейчас на этом месте ничего нет, и возле августейших мошей побывал, и теперь сам готов свидетельствовать о их чудотворности, поскольку они нетленны, а рядом образовался святой источник, воду из которого он и посылает в доказательство. Прежде чем сообщить об этом в прокуратуру, он писал в Московскую Патриархию, однако прошло полгода, а ответа нет. Зато появились какие-то двое чужих, опрашивали местных жителей и сами по лесам рыскали, что-то искали, из каждого ручейка и родника воду в бутылочки набирали, а выдавали себя за студентов, приехавших собирать фольклор. Естественно, до могилы они не добрались и тогда начали искать автора, да только он не стал на них выходить сам, и чужаки уехали ни с чем. В этот раз он тоже подписывается другой фамилией, и если Генеральная прокуратура, а в частности Сергей Бурцев, заинтересуется и приедет – а он обязан это сделать, потому что знает толк в живой воде и еще то, что найденные возле Свердловска кости вовсе не царские! – то автора письма искать не нужно, объявится сам. Но только вышеозначенному работнику и никому другому.

И указывался конечный пункт, куда следовало приехать и ждать, – поселок Усть-Маега.

Вечером дома Бурцев открыл атлас и отыскиал этот поселок, стоящий на перекрестке рек – кажется, мелиораторы тут что-то перемудрили, – типичный районный центр с населением до десятка тысяч человек, и территория района в добрую Швейцарию. В общем, если самому искать автора письма, то и жизни не хватит. Измерил расстояние от Екатеринбурга, и получилось, что по прямой чуть ли не тысяча километров. Если останки расстрелянной семьи Романовых перевозили сюда, то как же это сделали жарким летом без какой-либо консервации? Даже если часто меняли лошадей и плыли по рекам на лодках, то все равно потребуется не меньше месяца. За такой срок и августейшие тела превратятся в зловонную кашу.

Если только они в самом деле нетленны...

В принципе можно было выезжать на следующий же день, оставалось взять историко-социальную справку по этому району. А специальное поручение от Фемиды Бурцев получил через секретаря. К официальной бумаге была приложена записка с просьбой позвонить перед выездом по домашнему телефону. Вероятно, подчиненные Фемиды долго напрягались, чтобы подыскать в Усть-Маеге приличное дело, и ничего не нашли лучшего, как дорожно-транспортное происшествие аж четырехлетней давности с весьма тусклым намеком на криминал. Технической экспертизой было установлено, что у автомобиля «Нива», которым управлял работник заповедника Ярослав Пелевин, на ходу сработало запорное устройство руля, фиксаторы которого оказались подпиленными, и, судя по следам жидкости на асфальте, в этот же момент лопнули шланги тормозной системы. Сам водитель не смог выскочить на ходу и сгорел вместе с машиной, где находилось четыре канистры с бензином и где обнаружили фрагменты останков человека. Поэтому Фемида предлагала рассматривать это как теракт, хотя нет достаточных оснований, и под таким предлогом задержаться в Усть-Маеге до той поры, пока назвавшийся Тропининым человек себя не обнаружит.

Раздувать из мухи слона – это было что-то новенькое, обычно приходилось делать наоборот: превращать теракты и заказные убийства в неосторожное обращение с оружием, суицид и замыкание электропроводки. Но других, более серьезных преступлений в том районе не случалось уже добрый десяток лет.

Он заказал билет, и тут сработал закон подлости: домашний автоответчик записал звонок из Министерства юстиции, куда Бурцева приглашали для срочной беседы. Ждал этого уже несколько месяцев, через своих людей выяснил всю раскладку с судейскими местами, и, казалось, раньше осени ничего приличного не будет, а тут надо же, в самый неподходящий момент, хоть от командировки отказывайся! До конца рабочего дня оставалось чуть больше часа, и все-таки он поехал в министерство, зная, что такие дела лучше решать с утра. На удивление, там даже никто не рассердился, встретили радушно и буквально ошарашили предложением – бывают же чудеса на свете! Он рассчитывал получить место рядового судьи в одном из округов Москвы, а тут засветилась реальная возможность войти в состав Конституционного – его кандидатура уже была согласована с председателем, далее оставались формальности. Бурцеву посоветовали завтра же с утра начать бумажные хлопоты, и у него даже рот не открылся, чтобы сказать о командировке и о билете на ночной поезд.

Он возвращался домой с полным убеждением, что ни за что не поедет в эту Усть-Маегу. И это будет месть всем – Генеральному, спецпрокуратуре за то, что она так легко откомандировала своего человека, Фемиде...

Особенно Фемиде!

Он понимал, что это его давний комплекс неполноценности, что он всю жизнь вынужден доказывать перед ней свою состоятельность как человека, как профессионала и личности; он чувствовал, что Фемида то умышленно, то интуитивно подавляет его, разрушая так трудно воссоздаваемую тонкую материю воли. Он давно осознал, что любит и ненавидит ее одновременно, и сейчас, наконец-то вырвавшись из-под ее незримой силы влияния, определится в своем чувстве. Полная независимость исключает ненависть, поскольку вольный человек – это прежде всего ощущение собственной силы и любви.

Вот и пробил час...

Заманчиво было, никого не извещая, оформить документы и явиться миру в мантии, однако Фемида могла расценить это как слабость, поэтому Бурцев позвонил ей в девятом часу вечера. Трубку взял муж, и, поскольку они никогда не говорили по телефону, голос Бурцева он не узнал. А Бурцев неожиданно разговаривать с Вадим Вадимычем не захотел, и тот пригласил Наденьку.

– Ты сейчас уезжаешь? – спросила она сонным голосом, вдруг всколыхнув в душе прошлое: так она спрашивала, когда Бурцев вставал среди ночи на поезд или самолет...

– Должен огорчить тебя, никуда я не уезжаю, – сказал он.

Длинная пауза на том конце провода была многозначительной.

– Как прикажешь понимать, Бурцев?

Самое главное сейчас было идти с открытым забралом и сохранять спокойствие.

– Сегодня получил предложение в Конституционный суд. Завтра целый день буду в Министерстве юстиции.

– Так... Я рада за тебя. Ты пошел сам в министерство? Чтобы не ехать в командировку?

– Чтобы не ехать, я бы скорее занялся членовредительством, – съязвил Сергей. – На такие места сами не просятся, ты же понимаешь.

– Да... Что же мне делать? Что я завтра скажу Генеральному?

– Я сам скажу ему...

– Но что толку? Кого я отправлю теперь?

– Вадим Вадимыча...

Она замолчала, и невозможно было угадать, кто станет говорить после паузы.

– Знаешь, а у меня спина не болит, – вдруг сообщила Наденька. – Ни разу за это время...

Так легко!

– Постучи по дереву, – посоветовал Бурцев.

– Нет, правда, это так непривычно... Может, тебе центр нетрадиционной медицины открыть? Вместо Конституционного суда?

– Я подумаю...

– Подумай, Сережа. И сделай это ради меня, – попросила она. – Ну пожалуйста. И привези мне много-много живой воды...

Он внезапно потерял всякую волю к сопротивлению. Вернее, почувствовал, что не сможет отказать ей, потому что мгновенно превратит ее в Фемиду. Грань была тонкая и зыбкая, как паутина бабьего лета: не надо и усилий прикладывать, чтобы порвать ее...

Почему-то раньше и в голову не приходило, что все это тоже из области тонких материй.

– И возвращайся скорее!.. – напоследок сказала она. – Ты нужен не только Конституционному суду...

После этого разговора Бурцев словно из омута вынырнул: собирал дорожную сумку и тихо вслух матерился, благо что некому было слушать. Получалось, что он не в состоянии противиться ее воле, а именно сейчас следовало проявить свой характер, невзирая ни на какие материи. Иначе от этой зависимости и судейская мантия не спасет...

Он отправил телефонограмму в Министерство юстиции о срочной командировке, заказал машину на Ярославский вокзал и, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, попытался изучить историко-социальную справку района. Усть-Маега в Рипейских горах с ее фольклорным, как было указано в справке, населением, с реками, которые в разное время текут в разные стороны, с мягким для Севера климатом и единственным в стране лебединым заповедником ему почему-то не нравилась.

А в подстрочной сноске приводились строки из какого-то письма Владимира Даля, где знаменитый исследователь русского языка и культуры сообщал любопытный факт: население по реке Маеге называло свои места Страной Дураков.

Так и было написано, с заглавными буквами...

Бурцев выпустил из рук листки, соединенные скрепкой, и несколько минут сидел, сдерживая дыхание от жжения в груди: надо бы давно сходить к врачам, похоже, развивалось профессиональное заболевание – ишемия.

Сон о Стране Дураков он видел в небольшом городке Студеницы еще в первую командировку, когда охотник-иностранец вместо медведя застрелил на овсах переводчика из клуба «Русская ловля» Николая Кузминых. А приснился сон в доме Ксении, той самой колдуньи, родившей ему дочь...

Он уже не мог ни о чем больше думать, передвигался с опаской, делал все механически, хотя боль прошла, поэтому, когда в передней раздался звонок – должно быть, пришла машина на вокзал, – Бурцев все еще был на «автопилоте», взял дорожную сумку, плащ, поставил квартиру на сигнализацию и открыл дверь...

Он уже давно отметил: при воспоминаниях о Ксении и дочери, имени которой он даже не знал, напрочь исчезает всякая интуиция и будто замедляется или вовсе останавливается время.

Он старался контролировать себя в такие минуты, однако тут же и забывал об этом...

Вместо шофера из родной конторы на лестничной площадке оказалось двое незнакомых мужчин. Один, несмотря на ночную духоту, в пиджаке, значит, есть оружие в плечевой кобуре; другой, постарше, толстоватый и вальяжный, налегке, в рубашке с коротким рукавом и дорогим кейсом. У обоих острые, цепкие взгляды, мгновенно улавливающие всякое движение.

Покушений на работников прокуратуры было достаточно, стреляли на улицах, в автомобилях, у собственных подъездов и всегда неожиданно, из-за угла, в спину, в затылок. Эти вроде бы не собирались стрелять, но и пришли не на блины – темная туча висела за ними...

Бурцев вспомнил, что свой пистолет затолкал в сумку, сейчас застегнутую на замок.

И только вспомнил, как мужчина постарше вынул из кармашка удостоверение, протянул Сергею и спросил с недоуменной улыбкой:

– Куда же вы собрались, Сергей Александрович?

Это была специальная служба, которых наплодилось изрядно: за несколько лет работы в спецпрокуратуре Бурцев насмотрелся на всякие. Они рождались, перегруппировывались, трансформировались и умирали, чтобы снова воскреснуть в ином облике – типичная революционная суета, где обожают эту дурацкую приставку «спец».

Всколыхнуло другое – фамилия, давно знакомая, до сих пор несущая в себе зловещность. Генерал-майор Скворчевский.

Было время, когда Бурцев несколько лет подряд находился с этим человеком в состоянии незримой войны, своеобразного поединка, который не привел к победе той или иной стороны, поскольку все время приходилось наносить удары наугад. Все попытки высветить его, материализовать и предъявить ему счет от лица закона не увенчались успехом даже при содействии Генерального.

И вот стоило почти забыть о нем, как сам явился! Причем в момент отъезда, как ни странно, без предварительного звонка. То есть знал, когда он отправится на вокзал, ибо во всех этих спецслужбах ничего случайно не происходит.

И вопрос не случайный, хотя и замаскирован под недоумение...

– Извините, мне сейчас недосуг, – возвращая удостоверение, сказал Бурцев. – Как видите, поймали меня на пороге...

– Вижу. Но, с вашего позволения, всего несколько слов. – Скворчевский ступил через порог, оставив своего напарника на площадке, притворил дверь. – Не знал, что уезжаете...

– Слушаю вас, – прервал Сергей, все еще теряясь в догадках о цели такого визита.

– Поставьте сумку, давайте присядем, – полуприказым тоном предложил гость. – Наш разговор будет весьма интересным для вас, Сергей Александрович. В первую очередь для вас.

Бурцеву сразу же не понравился напор гостя, свалившегося как снег на голову. Он попросту был не готов к подобной встрече, и единственное, что сейчас пришло в голову, – никаким образом не выдать своего интереса, пусть и прошлого интереса, к этой странной личности ныне в генеральском звании.

– Не совсем подходящее место для разговоров, – посетовал он. – И время... За мной сейчас придет машина.

– А вы не спешите, – усмехнулся гость. – Возможно, и ехать никуда не придется. Вы же не собирались?

Спецпрокуратура существовала для того, чтобы контролировать деятельность подобных спецслужб, под какой бы неприкосновенной вывеской они ни находились. И этот генерал, явившись сюда, прекрасно знал, что первично, яйцо или курица, однако, судя по прошлому, до сей поры оставался неуязвимым и бесконтрольным.

– У меня несколько минут, – жестко сказал Бурцев. – Говорите.

– Сегодня вы получили предложение войти в состав Конституционного суда, – блеснул своей информированностью Скворчевский. – А с завтрашнего утра намеревались оформлять документы... Что же произошло? Почему уезжаете?

– А почему вас это интересует, генерал?

– Можно лишиться места.

– Благодарю за заботу, но вам-то какое дело?

Нет, ему было дело! Причем давнее, старое, поскольку в этот момент Сергей вспомнил город Зубцовск, где зимой восемьдесят седьмого эксгумировал захоронение на старом кладбище.

И явственно услышал пронзительный крик воронья, рассеявшегося на старых липах...

– Сергей Александрович, давайте так, – вдруг по-свойски предложил генерал. – Вы сейчас расскажете мне, по чьему заданию, куда и с какой целью уезжаете. Только не говорите, что отправляетесь в Республику Коми для расследования дорожно-транспортного происшествия.

Меня интересует истинная цель командировки в Страну Дураков. Кажется, так называют себя жители поселка Усть-Маега? Поверьте, это не простое любопытство.

Хороша конфиденциальность, если еще не успел за порог дома выйти, а вороны уже кружат над головой... Бурцев мысленно перебрал людей, посвященных в истинные цели командировки, и остановился на секретаре Фемиды. Он был абсолютно уверен, что утечка произошла через него. Запомнились глаза и рука, подающая ему пакет со специальным поручением: от них исходило зеленоватое свечение, тогда не замеченное и отчетливо видимое сейчас, в памяти.

Эх, сообщить бы Наденьке, какую змею она пригрела в своей приемной!

– Понимаю, что не простое, – согласился Бурцев. – Итак, если я рассказываю, то за мной сохраняется место в Конституционном суде. Я правильно понимаю?

– Совершенно верно. И не только рассказываете, а отправляетесь в командировку и работаете под нашим контролем. Под полным контролем. Вашему руководству об этом ничего не будет известно, абсолютная гарантия.

– Весьма любопытно. Спецпрокуратура под контролем спецслужбы?

– Вам это не нравится? Ну да, привыкли надзирать, как архангелы с неба. А тут за вами надзирают... Прошу учесть, место вы получили благодаря нашей службе. Все было для вас внезапно, не так ли?

– Да, ошеломляющее предложение, – признался Бурцев. – А если я ничего не рассказываю и еду в... Страну Дураков без вашего контроля, то лишаюсь места и... времени?

– О времени пока речи нет, но места – определенно, – уточнил Скворчевский. – Как говорят, Бог дал, Бог и взял... И помните, каждый ваш шаг в любом случае будет фиксироваться нашими людьми, а они умеют работать. Вероятно, вы в этом убедились?

– Пока не имел возможности, – осторожно соврал Бурцев и встал, будто бы в раздумьях прогулялся по коридору, а сам тем временем закрыл глаза и вызвал зрительный образ собеседника.

От него тоже исходило зеленоватое свечение, только усиленное во много раз и напоминающее зеленый кошачий глаз...

Глава вторая

Удар возмездия

1

Охрана заметила его в самом начале встречи и уже больше не теряла из виду, передавая друг другу взглядами, как из рук в руки. Ему было лет пятьдесят, небритое сухощавое лицо, крупные морщины на ввалившихся щеках, слегка вздутый от напряжения нос и воспаленные, почти немигающие глаза. Одежда тоже не вызывала доверия: изношенный, грязный пиджак, нечистая белая рубашка и галстук – все давно не снималось и прикипело к телу. На лацкане несколько раз промелькнул какой-то крупный значок – верный признак человека не совсем здорового. Это был самый опасный тип – бывший интеллигент, психически неполноценный человек, от которого можно ожидать всего, чего угодно. Но пока еще он оставался только под пристальным вниманием непосредственных телохранителей; наружное наблюдение, рассеянное в толпе, и сотрудники милиции в ее периферии не замечали опасности и потому продолжали впустую стричь глазами неподвижные головы и лица людей.

А сама толпа, специально подобранная для уличной встречи и проинструктированная, держалась в настороженно-веселом состоянии, внимательно слушала, подавала заученные реплики, смеялась и возмущалась, где положено, и не махала опущенными вдоль тела руками, как если бы стояла перед молчащей, но злобной собакой.

Президент говорил что-то о мужестве и мудром долготерпении народа, кажется, обещал изгнать из партии неверных, построить то ли социализм, то ли капитализм, но с человеческим лицом и наказать вороватых чиновников.

Когда подозрительный человек двинулся вперед, телохранитель, изображавший телеоператора, передал по радиосвязи наружной службе, а те, в свою очередь, сориентировали милицию. Его можно было бы взять сразу и почти незаметно удалить из толпы, однако вокруг торчало около десятка настоящих операторов с видеокамерами, в том числе много иностранных – случайная встреча президента с жителями города носила рекламный характер: в партии появились матерые раскольники, обещавшие сжечь себя на кострах революции. После короткого радиообмена начальник охраны приказал пока только отслеживать бывшего интеллигента и брать в момент нарушения инструкций и регламента.

Человек между тем пробился в первые ряды и внезапно смутил тем, что стал подобострастно улыбаться и яростно хлопать в ладоши, когда подали команду. Телохранитель с камерой обшарил через объектив его фигуру с ног до головы, и ничего вроде бы у него не оттопыривалось, не отдувалось, и не было ни зонта, ни сумки, где можно спрятать оружие. Даже авторучки в визитном кармане нет, один значок «Общества защиты животных». И все-таки начальник охраны приказал одному из сотрудников службы безопасности приблизиться к нему и находиться рядом, чтобы в случае чего блокировать всякие действия.

В течение трех минут наблюдения бывший интеллигент не проявлял агрессии, скорее наоборот, выглядел как ярый, хоть и обносившийся вконец поклонник президента. Дело в том, что общество в России уже поделилось на два лагеря, и в другом, поменьше, из всех сил двигали в президенты другого, сейчас гонимого, и потому среди его соратников было много одержимых, блаженных, нервных, а то и просто больных людей. Этот, кажется, внушал доверие, и охрана чуть успокоилась, тем более встреча подходила к концу. И когда наружка в толпе разразилась очередными аплодисментами, увлекая за собой простых горожан, бывший интелли-

гент, проявляя прыть гимнаста, внезапно заскочил на плечи сотруднику службы, возвысился над толпой и закричал, выбрасывая руку в сторону президента:

– Ты лжешь, негодный! Ты обманщик и подлец! И за это небо лишило тебя воли и разума!

Толпа замерла от неожиданности с разинутыми ртами: то ли все идет по сценарию и этот выступающий записан, то ли сейчас на глазах творится невероятная дерзость!

А бывший интеллигент только набирал обороты.

– Грядет эпоха Водолея! Ты опоздал! Опоздал всего на семнадцать минут! И потому Господь лишил тебя инстинкта! самого прекрасного и спасительного инстинкта – возвращения на старое место!

Рослый, плечистый сотрудник стоял под ним, будто строевой конь под хорошим наездником, и перебирал ногами, не в силах сбросить седока либо предпринять иное решительное действие. Не сказать, что и охрана была шокирована, но отчего-то наступила странная пауза, сходная по напряженности с ожидаемым выстрелом. Двигаясь по уставу, тренированные молодцы перекрыли своими телами президента, в руках уже были тяжелые пистолеты-пулеметы, однако далее ничего не происходило, если не считать электрического разряда ужаса, пробежавшего по лицам толпы. Этот яркий сполох скользнул по глазам людей и застыл в глазах президента, голова которого осталась открытой и торчала над головами охранников.

А блаженный продолжал кричать, выстреливая указательным пальцем в лицо президенту:

– Ты никогда не вернешься к золотым вратам! Не обольщайся! Царствовать тебе осталось один год три месяца и восемь дней. Отсчитай от сегодняшнего дня и жди своего конца! Ты меченный дьяволом! Смотрите, люди, у него же пятно на лбу – знак сатаны! Смотрите, но не бойтесь! Потому что грядет новая эпоха для России! – Он выхватил носовой платок из кармана и швырнул в сторону президента. – Возьми! Сотри свое пятно! Сотри метку! А сотрешь – подними руки, попроси пощады у Неба! А потом возьми с земли камень! Вон тот мертвый камень! Это твоя сгоревшая звезда!

Странно, однако первой сбросила оцепенение случайная и хорошо организованная толпа на городской улице, потом милиционеры в форме. Люди отчего-то засмеялись, точнее, пока заулыбались, стряхивая призрака ужаса, и это послужило командой для юродивого.

– Смейтесь! Радуйтесь, радуйтесь, люди! – воскликнул он, обращаясь к толпе. – Скоро явится матка! Слышите, как поет? Слышите ее голос? Какие чудесные звуки! Это она возвещает о скором своем явлении! Веселитесь и торжествуйте, ибо вскормили ее вы! Своим страданием и долготерпением!

Все это происходило чуть более минуты, видеооператоры едва успели направить на блаженного камеры и что-то даже сняли, но оседланный сотрудник службы безопасности наконец принял решение и рухнул на асфальт, подминая седока. И в тот же миг опомнились охрана, наружка, милиция... Президента повели к автомобилю, в пугливо расступающейся толпе слышалось:

– Кто это?! Кто это был?! Псих какой-то! Что он говорил? Не страна – бомжатник! Про какую матку говорил?!

Когда служба схватила юродивого, заковала в наручники и потащила, толпа неожиданно бросилась на интеллигента, невзирая на крепких молодцов из охраны. Какие-то женщины, только что откровенно смеявшиеся, потянулись растопыренными пальцами к крикуну, пытались оцарапать и вцепиться в волосы, а втесавшийся к ним седой мужчина пытался пырнуть его древком российского флага – напоминая святого Георгия, бьющего змея копьём. Схватку, а вернее, шапочный разбор активно снимали на пленку всеми камерами и фотоаппаратами, хотя стражи порядка старались тому воспрепятствовать. Кортёж с президентом умчался, по пустынной, оцепленной улице сразу же пошли трамваи, замелькали «попугаи» вызванных на подмогу милицейских нарядов. Люди с криком побежали в разные стороны, служба стала заталкивать

блаженного в спецмашину, а мужчина со знаменем вдруг сломал о колено древко, сел на тротуар и заплакал. Закованные в доспехи омоновцы снова перекрыли улицу, но взяли только одного «Георгия» за то, что надругался над государственным флагом, а привыкшие к подобным событиям московские жители организованно рассосались по подъездам и торговым палаткам.

На том и закончился этот неприятный уличный инцидент, никак впоследствии не отраженный ни в прессе, ни в истории тех сложных и суровых российских дней...

2

Капитан первого ранга Губский, будучи еще капитан-лейтенантом, служил на Тихоокеанском флоте на дизельной подводной лодке среднего класса в команде, сокращенно называемой Осназ, общий кубрик которой обычно располагается рядом с командирской каютой. Круг обязанностей у этого чисто офицерского подразделения был засекречен и напоминал обыкновенную радиоразведку. Они были попросту слушачами всех переговоров в эфире, которые происходили в зоне слышимости, и подбирали в спецкоманду людей, в совершенстве владеющих иностранными языками. Губский знал самый распространенный – английский, поэтому работы у него было много: американцы постоянно курсировали в нейтральных водах вдоль берегов Вьетнама, а советские подлодки контролировали их передвижение, находясь в своих квадратах. Выпускник иныза, призванный, можно сказать, против желания и воли, очень скоро увлекся своей службой, пристрастился слушать голоса над океаном, находясь на глубине, в чреве подводной лодки, – что еще может быть таинственнее? – привык к особому положению в команде и после двух положенных лет остался на флоте. А далее, в благодарность за любовь и мужество, морская судьба повела его по крутой лестнице вверх, так что порой он ощущал нечто вроде кессонной болезни.

Однажды ночью, патрулируя свой квадрат, подлодка, на которой служил Губский, всплыла на глубину десяти метров, то есть на высоту воздухозаборной трубы, запустила дизель для подзарядки аккумуляторов и легла в дрейф. Она напоминала уснувшую огромную рыбину, медленно несомую подводным течением, и, как рыба, инстинктивно и вяло пошевеливала рулями, дабы держаться на строго выдержанной глубине. При полном штиле это было безопасно, к тому же эфир молчал, и слушач отправился спать.

Но к утру сыграли подъем, и, едва выскочив из кубрика, он понял: случилось нечто серьезнее, чем учебная тревога. Команда передвигалась на цыпочках, матросы переговаривались шепотом, лодка продолжала дрейфовать, и в ее чреве стояла абсолютная тишина. Губский к тому времени был уже старшим в команде и досрочно получил звание капитана третьего ранга и потому был ответственным за свой участок работы, а это значит, не знал ни строгого регламента вахтовой службы, ни каких-то поблажек от командира. Лямку следовало тянуть, даже когда все остальные лежат пластом. Он прокрался на свое рабочее место, где уже была включена аппаратура прослушивания и записи, и тут выяснил, что произошло. Оказывается, безмятежно дрейфуя, подлодка каким-то не иначе как чудесным образом миновала кольцо боевого охранения и очутилась в четверти мили от знаменитого авианосца «Энтерпрайз», который давно курсировал в этом районе. И ни один шумопеленгатор на кораблях вероятного противника не засек ни гула дизеля, ни звука выхлопа. Можно было допустить случайное попадание в этот магический круг боевых кораблей, американцы, несмотря на рекламу и бахвальство, отличались матерым ротозейством из-за своей самоуверенности. Но чтобы повезло дважды, чтобы дважды войти в одну и ту же воду и выйти сухим, такое в морской практике случается очень редко, и потому шансов спасти положение у командира подлодки практически не оставалось. Корабли боевого охранения, оснащенные самым современным оборудованием, в конечном итоге все равно обнаружили бы чужую лодку, если уже не держали под наблюдением.

Теперь многое зависело от Губского: следовало получить хоть какую-нибудь развединформацию относительно замыслов американцев – умышленно впустили они советскую лодку в круг или все-таки прошляпили?

Радиоперехват переговоров «Энтерпрайза» с охранением пока был невразумительным, как обычно, бакланили о чем угодно, только не о деле, хотя, впрочем, этот треп в эфире мог быть и кодированной передачей информации. Около часа Губский слушал голоса и переводил разговоры непосредственно командиру, все до мельчайших подробностей, пока тот не убе-

дился, что лодка остается необнаруженной. Авианосец дрейфовал в юго-восточном направлении, и, судя по перехвату, на нем шел авральный ремонт ходовой части, способный растянуться на трое суток. Уйти сейчас из круга было рискованно: во время ремонта охранение бывает особенно бдительным и есть реальная возможность пленения, а то и бомбежки глубинными бомбами. В нейтральных водах велась нескончаемая и необъявленная война: если ты оказался в подобной ситуации, если тебя не контролируют ни база, ни специальные вертолеты воздушного сопровождения, если ты работаешь как разведчик в бою, то и отношение соответствующее – могут расстрелять или потопить втихую, так что не будет никакого явного конфликта между государствами. Исчезла подлодка, сгинула на пятидесячестометровой глубине, и пойдешь свищи – даже водолазам не спуститься, чтобы установить истинную причину гибели. Так погибла уже не одна лодка с той и с другой стороны, и это относилось к естественным потерям, как на любой войне, неизбежным.

Связаться с базой и доложить обстановку командир не мог – любой радиозвук будет непременно запеленгован, тут же по корпусу лодки сначала прокатится волна легкого, ритмичного стука, будто дробью обстреляли, – это отработают свое гидролокаторщики вероятного противника, а потом останется несколько секунд, за которые вся жизнь промелькнет перед глазами, как говорят бывалые люди, потому что удара ракеты или глубинной бомбы уже никто не услышит. Если взрыв пробьет корпус, возможно, что-то и всплывет на поверхность океана, но если нет, то лодка будет просто лежать на дне, как запечатанная консервная банка.

В таком случае можно было бы осторожно погрузиться на глубину и спрятаться под толщей воды другого температурного режима, который не прощупывается гидролокатором, однако такого слоя, под который можно было бы уйти при нулевой плавучести, внизу не оказалось, а продвигать цистерны – значит немедленно обнаружить себя.

И тогда командир принял оригинальное и единственно верное решение: уйти под днище «Энтерпрайза», в самое безопасное место. А дальше как Бог пошлет...

Подлодка погрузилась на глубину двадцати метров и на бесшумном, тихом эконоходе скользнула под авианосец.

Ремонт у американцев длился четверо суток, и все это время Губский работал без сна и какого-либо отдыха, слушая голоса и звуки не только с помощью специальных радиоэлектронных приборов, а и посредством обыкновенного медицинского фонендоскопа, приставленного к переборке. Как известно, тихий в полном смысле слова океан является гигантским локатором, подлодка же в этом случае, находясь на небольшой глубине, выполняет роль мембраны, так что все громкие разговоры, стук, топот ног по палубе, чих и кашель – все слышно, как биение собственного сердца.

И страшно становилось с каждым часом не от этой близости, не от того, что жизнь сейчас зависела от ювелирной выдержки глубины – шаркнуть рубкой по днищу «Энтерпрайза» можно в любое мгновение, и тогда останется таранить авианосец, топить его к чертовой матери, и тонуть самим: погибать, так с музыкой.

Быстрая и неожиданная смерть не так и пугала Губского. И не услышишь, заковав голову в наушники, как пролетит команда на таран, почувствуешь только мощнейший и единственный удар, точнее, начало этого удара. Потом все: мрак, пустота...

Страх исходил от неизвестности и ожидания смерти, особенно от обидной, случайной, например, когда уже замаячит впереди лучик света, далекая звезда надежды, а лодку засекут и накроют глубинной бомбой. Американцы не потерпят, не переживут такого позора – советскую подлодку у себя под брюхом, и, обнаружив ее, рискнут, пожалуй, достать ракетой, даже если она уйдет за круг боевого охранения.

Сознание этого висело над головой, будто нож гильотины...

На авианосце работали лебедки и тали, звенели ключи и стучали кувалды, свободные от службы пилоты играли в футбол, купались в надувном бассейне за бортом, опасаясь только

акул; они не знали ничего о стерегущей их смертельной опасности и много говорили о жизни на берегу, о девочках и развлечениях, о женах и детях, так что при умелом расчленении всей этой мешанины можно было получить исчерпывающую информацию о каждом из них. Не отставала и команда, занятая авральным ремонтом: истосковавшиеся по земле матросы между деловыми разговорами и руганью вспоминали минувшие дни, а самое ценное – детали обстоятельств и подробности выполняемых задач прошлых походов.

Одним словом, четверо суток Губский слушал голоса, переводил и писал, поражая своего командира новыми и новыми данными о подноготной «Энтерпрайза». Эх, знал бы он, чего это стоило! Знал бы, как немеет и дрожит ежесекундно ожидающая смерти душа, какими слезами она обливается, сколько требует сил, чтобы не показать виду, как ей страшно! А командир – бездушный игрок, скотина! – только входил в раж от риска и, словно болезнью, заражал им команду. Такая удача редко кому выпадала – поплавать под брюхом у авианосца, и потому охваченный восхищением от собственной дерзости экипаж подлодки не знал усталости. Командиру вести разведку было мало. На кораблях охранения и в голову никому не приходило искать советскую лодку под авиаматкой, поэтому на четвертые сутки стали отрабатывать учебные торпедные атаки по «Энтерпрайзу» сначала с левого, потом с правого борта, разумеется, снимая для отчета на пленку весь процесс, и, окончательно обнаглев, всплыли на перископную глубину в непосредственной близости от авианосца и сфотографировали все: от развлекающихся на палубе пилотов до командира на мостике, крупным планом, анфас и в профиль.

После этого Губский поклялся сам перед собой: если останется жив, сразу же по прибытии на базу напишет рапорт об увольнении. А не уволят сразу, начнут нервы мотать – напьется и набьет командиру физиономию. За все!

И только в последнюю сумасшедшую ночь, прокрадываясь на цыпочках к туалету, слухач обнаружил, что такой же страх испытывал не он один. В торпедном отсеке, забившись в угол, сидел командир БЧ-2 и что-то шептал, делая вид, что занимается расчетами, и полагая, что его никто не слышит. Но обостренный слух Губского обмануть было невозможно.

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...

А Губский и молитвы ни одной не знал, и молиться не умел...

Наконец «Энтерпрайз» отремонтировался и на малом двинулся вперед – начал, по сути, ходовые испытания, и под этот шумок подлодка незаметно выскочила из замкнутого круга. Сидя на своем посту, Губский не догадывался об этом, продолжая слушать и записывать разговоры.

И уже на пятый день, когда авианосец был едва видим на горизонте, капитан-лейтенант услышал женский голос, прилетевший с поверхности океана через толщу воды:

– Через два часа девять минут в условном квадрате триста шесть «Энтерпрайз» снова ляжет в дрейф. Причина – неустойчивое движение левого руля.

Он автоматически записал сообщение, доложил о нем по команде и только после этого, будто очнувшись, понял, что голос этот прилетел из ниоткуда. И мало того, услышанное не нужно переводить с английского, ибо сказано было по-русски.

Командир подлодки никак не отреагировал на эту информацию, будучи в полном зашоре: почти на неделю лодка исчезла из радиовидимости, и теперь на базе сильно волновались, требуя немедленного шифрованного донесения. Тут уж было не до проблем, возникших на авианосце вероятного противника...

И все бы ничего, в конце концов этот странный голос можно было списать на сильное переутомление и нервное напряжение, пойти в кубрик и хорошенько выспаться, чтобы не мерещилось, если бы ровно через два часа девять минут в квадрате триста шесть авианосец вероятного противника не лег в дрейф, а радиоперехват подтвердил причину.

Спустя еще час Губский снова услышал тот же голос, но уже не стал записывать, а попытался засечь, проанализировать, откуда он доносится – из собственного «я» или оттуда, с поверхности океана.

Выходило, что оттуда.

Неведомая и незримая женщина вещала:

– С «Энтерпрайза» спустили трех водолазов. Идет обследование механизмов привода левого руля. Но причину неисправности следует искать в сто двадцать втором трюмном отсеке по левому борту, где младший механик Поль Сандерс забыл снять трубку с троса после его натяжки во время ремонта.

Несмотря на длительную бессонницу, Губский почувствовал себя неожиданно хорошо, как в забеге на длинную дистанцию, когда приходит второе дыхание и включаются резервы организма. И реальность воспринималась соответственно, без всяких отклонений и поправок на усталость.

И напрочь отступил страх! Сейчас хоть снова под авианосец – душа бы даже не дрогнула!

Мало того, он вполне осознавал, что если сейчас пойти и доложить командиру о причине остановки авианосца, да еще указать, в каком месте этот Поль Сандерс забыл снять трубку, то подобное сообщение будет истолковано однозначно. Но он вдруг ощутил в себе неведомую раньше способность мгновенно находить выход из любой ситуации – будто кто-то подсказывал со стороны! – и тут же придумал способ, как проверить полученную неведомо откуда и от кого информацию. Оставив вахту, Губский явился к командиру и доложил, что сейчас только перехватил неофициальный радиообмен между младшим механиком и неустановленным абонентом, скорее всего приятелем, которому первый признался в своей неаккуратности и просил помощи, чтобы вместе спуститься в отсек и незаметно снять треклятую трубку, пока ее не обнаружили. И еще подтолкнул азартного командира подлодки: неплохо бы на закуску и тут утереть нос американцам, подсказав им причину неисправности. Это будет для них шок!

На такой обман он никогда бы не решился, а тут словно предугадывал, что все пройдет и ни у кого не вызовет никаких подозрений.

Командир хоть и получил внушение от начальства, однако чувствовал себя победителем и еще не отошел от игры. Он знал, что все переговоры фиксируются, что потом за каждое сказанное слово придется отвечать, однако его успокоило то, что подлодка шла уже в надводном положении, так сказать, присутствовала в океане официально, под контролем, – всяко топить не станут, и потому вышел в эфир на УКВ с помощью радистов, на плохом английском передал информацию для «Энтерпрайза» и еще поиздевался, мол, эта услуга бесплатная, так что оплачивать счет не придется.

Вероятно, там сначала не поверили, а может быть, сразу же испытали этот самый шок. Радиосообщение приняли, однако замолчали намертво, хоть бы для блезиру спасибо сказали ради ответной издевки, так нет же, напротив, выслали корабль охранения, который угрожающе рыскал в миле от лодки, так что приходилось бесконечно выполнять так называемый антиналовский зигзаг – прыгать по-заячьи из стороны в сторону.

И только через полтора часа, когда сторожевик отвязался и по-прежнему молчаливый авианосец обиженно двинулся малым ходом, стало ясно, что попали в десятку, что приводу левого руля действительно мешала забытая на тросе трубка...

А капитан третьего ранга Губский, не в пример ликующему командиру, от своего эксперимента впал в странное состояние невесомости. Подлодка получила приказ немедленно идти на базу, и теперь было время выспаться, однако он часами лежал с закрытыми глазами и не мог уснуть. Этот голос с поверхности океана теперь все время находился рядом и, как заботливая нянька, пытался умиротворить и усыпить его, только колыбельные не пел, заставляя вспоминать детство, первую любовь и все самое приятное и дорогое в жизни.

Он делал вид, что спит, опасаясь своих товарищей, которые могли бы заподозрить неладное, сопел, изредка ворочался и даже похрапывал, а голос не исчезал и разве что на некоторое время удалялся, делаясь смутным, неопределенным, чтобы вновь проявиться в самый неожиданный момент. Когда по пути на базу подлодка всплыла, чтобы проветрить отсеки, Губский впервые за целый месяц выбрался на палубу под ночное небо и в тот же миг услышал голос. Он доносился не с поверхности океана, а с высот, падал откуда-то от звезд или с самих звезд.

– Хочешь понять, кто говорит с тобой? – чаровала и испытывала неведомая искусительница. – Хочешь познать того, кого слышишь?

– Хочу! – откровенно признался он, по-прежнему ощущая смятение и страх. – Мне начинает казаться, что я болен...

– Нет, ты совершенно здоров, и рассудок твой светел.

– Почему же я слышу твой голос? Если его никто не слышит больше?

– Отчего ты решил, что меня больше никто не слышит? Есть и другие, только об этом никто не скажет, потому что все считают себя больными. И потому стараются не слушать, тешат себя надеждой, что после похода отдохнут в санатории на берегу и избавятся от меня. А многие думают, что я – голос их тоскующей души, голос тоскующей мужской плоти. Только это не так, хотя многие после санатория избавляются от меня. И забывают...

– Может, и я избавлюсь? – безнадежно спросил Губский.

– Нет, ты никогда не избавишься, потому что поверил в мое существование и у тебя открылся слух. Я не галлюцинация, не плод твоего воображения, не больная фантазия, как считают другие. И конечно же не твоя тоскующая душа.

– Кто же ты?

– Я твоя Небесная Покровительница. Неужели ты не понял этого? И теперь никогда не оставлю тебя. А если ты всецело предашься моей воле, станешь самым счастливым из людей. Я открыла тебе слух, но, когда настанет час, открою глаза, и ты увидишь мир в том виде, в котором вижу его я. Готов ли ты идти за мной?

– Я должен подумать, – совсем некстати сказал он, будто обсуждалось новое назначение.

– О чем ты можешь еще думать, когда с тобой говорит сила небесная? – В голосе послышалась ирония, скрытый женский смех, так неприятный всем мужчинам.

– Да, готов! – чувствуя, как отступает страх, сметаемый волной радости, вымолвил Губский. – Я иду!.. Но где ты? Где?

– Пока ты слеп – не увидишь меня, – с тоской сказала Покровительница. – Но настанет время, придет час... Ты идешь за мной?

– Иду! Иду! – закричал он в звездное небо.

– Итак, мы заключили союз, – пал оттуда удовлетворенный голос. – Но всегда помни единственное: ни при каких обстоятельствах ты не можешь рассказать о нашем союзе. И обо мне. Молчи, даже если станут рвать щипцами, жечь огнем. Запомни, тебя сразу же объявят сумасшедшим. И тогда я буду вынуждена покинуть тебя навсегда...

– Я это понимаю...

– В таком случае, для тебя теперь все плохое позади, – зашептала Покровительница. – Не будет больше тесного замкнутого пространства, черной океанической глубины, нестерпимой жары в Южном полушарии и холода в Северном, спертых воздуха, азота, заставляющего вскипать кровь, углекислого газа, рождающего галлюцинации, кислородного голодания, кессонной болезни, тошнотворной вони регенеративных патронов. Впереди только хорошее – бесконечный простор, земля, травка, шум сосен и солнечный свет. Солнечный свет, солнечный свет...

3

После благополучного возвращения подлодки на базу, после долгих и дотошных распросов в штабе флота о всех деталях похода Губский отправился в офицерский санаторий и, пока там поправлял здоровье под наблюдением врачей, спал и отъедался, почти забыл о своей Покровительнице, обещавшей принести солнечный свет. Возможно, потому, что над головой теперь и в самом деле светило солнце, а может, и оттого, что нагрянула череда приятных известий. Первую настоящую радость он испытал, когда его наградили боевым орденом, а через неделю – этого вообще никто не ожидал! – досрочно присвоили звание капитана второго ранга, хотя получить его не позволял должностной потолок. Губский принимал поздравления товарищей и начальства, по каждому случаю устраивал застолья и в этой земной суете начал постепенно отвлекаться, приходить к своему привычному состоянию веселого и азартного жизнелюбия. Пережитое в походе теперь вспоминалось как сон, не то чтобы дурной, однако не совсем приятный – из тех, какие хочется поскорее забыть.

И вообще ни разу не вспомнил о клятве, данной под авианосцем, – написать рапорт на увольнение...

А потом, после краткосрочного отпуска, когда экипаж его родной лодки готовился в новый рейд, внезапно пришел приказ откомандировать кавторанга Губского в распоряжение штаба флота ВМФ, а затем его переправили в Генштаб. Он не знал, что и думать, когда его запустили по большому кругу собеседований, причем с полковниками и генералами далеко не флотскими. Он угадывал, что все это связано с каким-то новым назначением, что высокое начальство не случайно разговаривает с ним уважительно, без армейского снобизма, даже как-то по-дружески, и чувствовал, что он нравится, что им довольны, хотя не старался произвести впечатление, а везде говорил так, как думал.

Он примерял себя на многие должности в штабе флота, но истинного своего положения не мог представить даже в самых неумных фантазиях. Должно быть, кавторанг Губский на первом круге всем приглянулся, поскольку тут же начался другой – медицинские обследования в центре подготовки космонавтов. И тогда он решил, что его готовят к полету, вернее, для предполетной учебы, и тут испытал странные чувства: ему никогда не хотелось лететь в космос, и он вдруг ощутил насилие над собой. Однако некому было выразить свое внутреннее несогласие или спросить о своей будущей судьбе: в центре им занимались только врачи и многочисленные специалисты-психологи. Каждый день он заполнял либо диктовал ответы на три-четыре теста с совершенно отвлеченными, порой сумбурными вопросами количеством до сотни и более. Среди ночи его могли поднять и усадить в специальное кресло с аппаратурой, напоминающей детектор лжи, и прогонять до утра, задавая самые невероятные задачи, связанные в основном с прошлыми служебными обязанностями, так называемые вводные.

Удивительное дело, он ничуть не волновался и никак себя не выдавал, если в очередной раз речь заходила о походах на подлодке, о его прежней службе и, в частности, о том памятном дне, когда у него открылся слух и он стал слушать голос Небесной Покровительницы. Не сказать, чтобы не помнил о ней или сумел абстрагироваться от прошлого; все это жило в его существе, но как бы самостоятельно, без усилий воли, как биение сердца или дыхание. К тому же, пока Губский находился в космическом центре – а это полтора месяца! – небесный голос молчал и никак не проявлял себя.

Наконец все испытания закончились, но вместо зачисления в отряд космонавтов кавторанга снова вернули в Генштаб, и там скучный, какой-то безучастный ко всему полковник-кадровик объяснил суть новой должности.

Такого и во сне бы не приснилось: Губский был произведен в каперанги и назначен офицером спецсвязи при Первом Лице в государстве. Иными словами, обязан был носить за Генсе-

ком специальный пульт – тот самый «ядерный чемоданчик». В течение одного дня инструктор объяснил и показал на практике, как этот пульт приводится в действие, после чего кавторанг был отправлен в спецподразделение, где в течение двух недель проходил стажировку.

По ощущениям новая служба весьма напоминала космический полет: в руке, прикованный специальным наручником, находился кейс, с помощью которого можно было перевернуть мир. Начиненный умной электроникой, отвечающий только на специальные коды и шифры, этот чемоданчик все-таки был живым существом, имел своеобразный характер, в чем-то сходный с комнатной собакой, долго прожившей среди людей. В минуты одиночества и тоски – когда Генсек, например, вел долгие переговоры за закрытыми дверями – пульт лежал на коленях, теплый, мирный и доверчивый, так что с ним мысленно можно было побеседовать. Он никогда не скалил зубы и не лизал руки; он казался нейтральным к хозяину, при этом чутко зная его руку, готовый выполнить всякую волю. Он жил своей собственной жизнью, однако был приручен и накрепко прикован к человеку, являясь продолжением его воли, разума и действия.

Он был рабом и господином одновременно, ибо, в свою очередь, сам приковывал к себе человека, и не только того, кто его носил, как драгоценность. Губский, находясь в непосредственной близости от Первого Лица, иногда замечал его взгляд, останавливавшийся на «ядерной кнопке». Трудно было понять или угадать ход его размышлений – возможно, глядя на опасный кейс, он думал о той беде, что таится в нем, и о мире, но не исключено, что испытывал ощущение собственной силы, как самовлюбленный боксер, рассматривающий свои мышцы в зеркале. Генсек был старым, выживающим из ума человеком, в его глазах уже клубилась муть смерти, а изо рта, несмотря на дезодоранты, иногда отчетливо пахло землей, однако в тот миг, когда его взор касался пульта, были заметны оживление и неожиданная, непривычная старческая улыбка подобострастия. Сначала каперангу думалось, что он ошибается, что это всего лишь его домыслы, однако, когда Генсек умер, а на смену ему пришел такой же старый больной человек, буквально на следующий день после похорон он молча подозвал Губского и велел вскрыть «ядерный чемоданчик».

Воля Генсека была законом. Набрав соответствующий код, хранитель пульта откинул крышку и встал рядом, готовый действовать дальше, как предписывалось инструкцией. Новый Генсек, по-детски вытягивая рыхлое бабье лицо, несколько минут разглядывал начинку кейса, даже трогал трясущимися пальцами цифровые кнопки и внезапно улыбнулся, в точности повторив мимику своего предшественника:

– Сколько тут разных кнопок... Эта штука исправная?

– Так точно! – отчеканил Губский.

– А вот давай-ка, брат, проверим! Так сказать, боевую готовность.

– Профилактическая проверка системы связи осуществлялась два часа назад, – с некоторым страхом доложил хранитель «кнопки».

– Нет, ты давай покажи, куда давить. – Первое Лицо потянулось большим пальцем к кнопкам. – Которая тут атомная?

И засмеялся, дыхнув в лицо запахом земли... Хорошо, что в этот миг к нему пришли с докладом – какой-то министр, приятель Генсека, и тот сразу же забыл о пульте.

Скоро и это Лицо положили в гроб и схоронили у Кремлевской стены. Следующий Генсек оказался молодым и энергичным, ему долгое время и дела не было до «ядерного чемоданчика». Нарушая все регламенты, он уезжал в поездки по стране и за рубеж без этого пульта связи, однажды в качестве шутки заметив в ответ на советы, мол-де, доверяет его своей жене, которая остается дома, а в дороге мало ли что, еще потеряется.

И вот однажды, оставшись с пультом в специальной смежной с кабинетом Генсека комнате, Губский отчетливо услышал возле своего уха голос жены нового Первого Лица:

– Открой мне пульт связи!

В комнате никого не было. Каперанг на всякий случай огляделся – пусто, встряхнул головой, решив, что вздремнул с открытыми глазами.

– Что же ты разволновался? Открой. Я жду, – миролюбиво сказала жена Генсека, и только сейчас он узнал этот голос.

Голос Небесной Покровительницы, почти забытый за эти годы, но мгновенно вернувший прошлое.

– Вспомнил? – снова послышалась неприятная ирония. – Хорошо, я прощаю тебе забывчивость. Надеюсь, ты помнишь о нашем союзе?

Не понимая, что творит, Губский положил пульт на стол и спохватился, что не помнит шифра, чтобы открыть крышку, – все вылетело из головы.

– Набери семь цифр, – продиктовала она. – Поверни фиксаторы иними защиту. Да не спеши, у нас есть время.

Он набрал шифр и вдруг остановился в нерешительности.

– Я не имею права... без Первого Лица...

– Даю тебе такое право, – тут же сказала Покровительница. – Смелее.

Дверь оставалась закрытой, однако на ее фоне медленно проявился сначала контур женской фигуры, затем постепенно выросла плоть, и Губский отчетливо увидел жену Генсека. Знакомая одежда – черный приталенный костюм, белая блузка, высокая прическа...

– Видишь меня?.. Видишь. Я обещала тебе открыть зрение и вот открыла. Теперь ты открой пульт.

Каперанг выполнил все операции и откинул крышку кейса.

– Выключи блокирующую систему. Помнишь, как это делается?

– Помню, – едва вымолвил он. – Но не знаю шифра...

– Нажми кнопки в следующем порядке: три, единица, единица, шесть, два, семь, единица.

На панели загорелся ряд зеленых индикаторов – вход в систему связи был открыт по всем каналам. Теперь на всех командных пунктах и пусковых установках стратегических межконтинентальных ракет засветились красные лампы, пока что извещающие о проверке связи. Подобные операции проводились дважды в сутки, и выполняли их офицеры спецсвязи, но никак не хранитель «ядерной кнопки». Однако ракетчики не могли этого знать и потому еще не тревожились, хотя обязаны были доложить по команде. И только в случае, если красный сигнал не будет сброшен в течение пяти секунд по запущенному параллельно хронометру, на пусковых пультах загорится мигающее табло минутной боевой готовности.

Пять секунд миновало – сигнал тревоги прошел...

Но чтобы привести в действие стратегические ядерные силы страны, требовалось еще несколько дублирующих операций, в которых использовались шифры, кодовые слова и специальные пароли с обязательной обратной связью.

Все это в комплексе знал единственный человек – Первое Лицо, Главком Вооруженных Сил.

Оказалось, что об этом известно и Небесной Покровительнице, представшей в образе жены Генсека. Или, наоборот, жене в образе высшей силы, что, впрочем, теперь не имело значения.

Она называла шифры, коды и пароли, выстраивая последовательность операций в определенном порядке, неведомом Губскому, и потому он, как исправный исполнитель, выполнял их, отчетливо сознавая, что делает, но совершенно не владея собой. Он даже понимал, что это не сон на подлодке, второй месяц рыскающей по океанским глубинам в автономном плавании, и что пробуждения – спасительного и облегчающего! – не будет.

Баллистические ядерные ракеты были приведены в боевую готовность, компьютерные системы выдали дополнительные условия запуска. Воля владеющего «ядерной кнопкой» была еще непререкаема, как Божественный промысел для раба, и никто из тех, кто сейчас сидел

за пультами и мониторами пусковых установок, не посмел послушаться команд, поступающих сверху, никто не усомнился в правильности решения – нанести ядерный удар по вероятному противнику. Никому в голову не пришло, что всемогущий президент может быть в эти минуты больным, сошедшим с ума или вдребезги пьяным.

Осталось отдать последний приказ, зашифрованный в знаменитом гагаринском слове «поехали!», когда у охранника, стоящего в кабинете Генсека, начался острейший приступ аппендицита. Его скрутило буквально пополам, так что он с трудом пополз на четвереньках до двери комнаты спецсвязи и увидел картину, которая в первый миг ошеломила его и заставила забыть о боли: морской офицер – хранитель «ядерной кнопки» – что-то колдовал, склонившись над развернутым пультом.

В обязанности охранника входило вести постоянное наблюдение за этим офицером, впрочем, как и за кейсом. Разумеется, он знал все об этом чемоданчике, был проинструктирован, как, где, по чьему приказу и в присутствии кого хранитель имеет право разворачивать пульт, но не имел представления, как он действует. Однако мигающие индикаторы напугали его более, чем дотошные и строгие инструкции. Охранник подал сигнал тревоги и лишь после этого бросился к Губскому, стараясь забиться клином между ним и пультом. В этот миг у него лопнул аппендицит... Прежде чем набежавшая подмога скрутила хранителя «ядерной кнопки», охранник успел увидеть его совершенно безвинный и потому безумный взгляд...

Глава третья

Удар возмездия

1

Автоматический Центр управления, упоминаемый в секретных документах особой важности под специальными кодами, а чаще просто «Возмездие», в бытность СССР среди посвященных понимался всегда одинаково и определенно – УВ, то есть Удар возмездия. Смысл его существования был велик, философичен и, как весь путь человечества за последнюю тысячу лет истории, весьма приземлен, аморален и абсолютно негуманен с точки зрения природного здравого смысла. Заключался он в следующем: если бы Соединенные Штаты Америки первыми нанесли сокрушающий ядерный удар по Советскому Союзу, парализовав тем самым не только волю к сопротивлению, но и все центры управления стратегическими ядерными силами, то в определенный срок без всякого участия человека с территории СССР взлетели бы сотни баллистических ракет с разделяющимися боеголовками и непременно достигли бы целей, тем самым сделав жизнь на Земле невозможной в принципе.

По физиологии это напоминало агонию. Мертвец вонзает кинжал в коварного противника. Эх, жизнь, так не доставайся же никому!

Идея Удара возмездия не являлась чисто советским или русским порождением; она была вненациональная и внесударственная и, пожалуй, единственная по праву относилась к категории общечеловеческих ценностей. И между тем не отличалась новизной и была древняя как мир, но реализовалась в полном масштабе лишь гениальными умами России к концу двадцатого столетия от Рождества Христова. О ней мечтали и в США, и в других ядерных державах, сбитых в военные блоки; к созданию подобного автоматического центра стремились из всех сил, используя высшие изобретения всех сфер науки и самые современные технологии. Это так соблазнительно – наказать победителя после его победы, это так заманчиво – отомстить смертью после собственной гибели...

Впрочем, сделать это технически удалось обоим супердержавам, можно сказать, в этой гонке они шли ухо в ухо. Иное дело, постоянно требовалось совершенствовать защиту центров, чтобы не проиграть, понадеявшись на искусственный интеллект, автоматику и неотвратимое возмездие. Противная сторона постоянно стремилась раскрыть секреты любыми путями и, выработав противоядие, тайно заготавливала средство, которым в нужный момент можно заблокировать систему УВ. И вот тут гонка приобретала вид бегущих в полной темноте людей по пересеченной местности. Установить в точности механизм приведения в действие ракетных комплексов Удара возмездия никому не удавалось, ни одна разведка не в состоянии была полностью раскрыть систему, хорошо, если находила только некое слабое звено, и потому под давлением страха – не отомстить за свою гибель – раскручивалось бесчисленное множество вариантов защиты собственного УВ и блокирование чужого.

По существу, все это относилось к психическому заболеванию, диагноз которого пока еще не был официально установлен и признан медиками, за малым исключением от него страдало все человечество. Было невероятно обидно, не раскусив хитрость соперника, остаться в дураках: мертвые бы потом до скончания веков переворачивались в своих могилах от злости и негодования.

Конечно, если бы такие могилы были.

И если бы была отпущена Господом для такого человечества жизнь после смерти...

Тупиковый путь разума человеческого вел его в одну сторону – к многоступенчатости и полному разделению действий автоматики на операции. Например, после ядерного удара противника несколько дублирующих друг друга электронных систем автоматически поднимают на околоземную орбиту командные спутники, которые, в свою очередь, отстреливают самостоятельные модули, и уже оттуда, сверху, словно Божья воля, летят сигналы сначала к центрам управления, до сей поры не подающим признаков жизни, а от них непосредственно к пусковым установкам на земле или в космосе. Сложный этот путь возмездия имел единственный изъян в том, что воля все-таки являлась человеческой, а не Божественной, и потому кодировка сигналов могла быть вычислена и расшифрована на одном из этапов их передачи, после чего система автоматического запуска ракет либо блокировалась, либо устранялась, допустим, с помощью компьютерных вирусов, радиопомех, магнитных бурь и искривлений пространства после ядерного удара. В этом случае на каком-то этапе следовало упростить схему до полной алогичности, то есть в электронные мозги вставить человеческий фактор, причем оригинальный и неповторимый, как отпечаток пальца.

В СССР надежно решили эту задачу незадолго до крушения империи. Поистине гениальные советские ученые – нет, мыслители! – застраховали и обезопасили Центр управления на многие лета. И как только переиграли вероятного противника, как только раскрыли и взяли под постоянный контроль его систему УВ, так в стране началась перестройка.

А начиналось все с того момента, когда в специальной лаборатории при Центре появился морской офицер и бывший хранитель «ядерного чемоданчика» Губский, получивший здесь кодовое имя Слухач. Его поместили в жилой бокс, по размерам и обстановке напоминающий кубрик на подлодке, и выставили индивидуальную охрану, хотя он не делал попыток побега, вел себя тихо, ничего не просил, не требовал, не делал заявлений, при этом будучи признанным медицинской комиссией невменяемым. В Центре опасались его только по одной причине – не верили в заключение комиссии и, напротив, были убеждены в полной вменяемости Слухача, как, впрочем, и в том, что он имеет Небесного Покровителя.

Хотя была еще причина: за то, что Губский прошел все проверки и попал на должность офицера спецсвязи, слетело множество голов во многих подразделениях спецслужб, министерствах и комитетах. Тогда еще была полная видимость государства, высокие чины боялись торговать секретами, и информация подобного рода не вылетела за пределы кремлевских стен.

В психушке Губского мучили недолго, замысел надежной системы УВ бродил в умах, и представители Центра часто наведывались в это печальное заведение в поисках оригинально мыслящих людей. Кроме ежедневных допросов, были две-три специальные медицинские процедуры, расслабляющие волю, и то пока нежные, щадящие. Занимался им следователь спецпрокуратуры Сергей Бурцев, человек, несмотря на молодость, рассудительный и уравновешенный, однако невероятно въедливый, когда дело касалось тонких и необязательных деталей. Прежде всего следователя интересовал вопрос – каким образом Губскому стали известны шифры, коды и пароли спецсвязи, узнать которые он не мог ни при каких обстоятельствах? Разве что Генсек выболтал, что совершенно исключалось. Но Губский их знал, и этот потрясающий факт нельзя было списать на сумасшествие.

После того как бывшему подводнику расслабили волю, он сначала поведал о жене Генсека, пытаясь таким способом отвести внимание от союза с Небесной Покровительницей. Бурцев вроде бы поверил в это откровение, но после тщательной проверки оказалось, что у первой леди государства есть железное алиби: в это время она находилась в зарубежной поездке. Правда, собиралась и уезжала в одно государство, но оказалась во втором, что, впрочем, к делу не относилось. Следователь не пытал и не жег железом, а тихой сапой сначала выудил информацию, напичкав палату Губского аппаратурой, затем добился признаний, услышав историю от начала, когда ему впервые послышался голос, и до конца.

И, на удивление, сразу же поверил в нее.

Тогда-то и приступили к работе мыслители Центра, все поголовно носящие неофициальное и слегка уничижительное прозвище – Широколобые. А чтобы Слухач не комплексовал по поводу предательства союза с Покровительницей, они использовали способ, придуманный еще следователем, – записывать беседы с небесными силами на пленку, будучи в полном одиночестве. Таким образом как бы исключался момент измены. У Слухача ненавязчиво получили согласие задавать побольше вопросов Покровительнице, убедили, что это нормально, а иначе какой же это союз?

Первые результаты ошеломили самых невозмутимых. Вместе с аудиозаписью параллельно шла постоянная видеосъемка, отмечающая каждый шаг бывшего подводника. Во время «бесед» он преображался, так что не было никаких сомнений, что он в этот миг разговаривает не сам с собой, а с неведомой небесной силой. И полученную информацию можно было смело отнести к явлениям потусторонним, так что к Центру и Слухачу сразу же присоседилась разведка. Умело составленные и управляемые диалоги морского офицера с Покровительницей за пару месяцев позволили раскрыть системы не только Центров УВ ядерных держав и военных блоков, но и многие их замыслы на будущее, так что информацию мгновенно понесли по всевозможным ведомствам и спецслужбам, якобы для проверки и последующей реализации.

Слухача следовало бы беречь как зеницу ока, пылинки с него сдувать, а суть его бесед хранить, как «ядерный чемоданчик», однако следом за разведкой к посреднику между небом и землей потянулись сначала чиновники МИДа, затем МВД – выявлять, кто же совершил то или иное громкое преступление, – а потом и вовсе все, кому не лень. Вплоть до жены Генсека, которая самолично явилась к нему, чтобы, как у вокзальной гадалки, спросить о своей судьбе.

2

Центром управления УВ лет тридцать кряду руководил генерал-ракетчик, много раз в целях конспирации менявший фамилию, и когда к Слухачу пиявками присосались желающие узнать прошлое и будущее, старик возмутился и тут же был отправлен в отставку, опять с новым паспортом на имя Дмитрия Ивановича Непотягова и новым местом жительства.

Тогда и пришел на его место совершенно гражданский человек Гелий Карогод, тридцатитрехлетний электронщик из Института космоса. Чем он там занимался конкретно, никто в Центре толком не знал, да и знать не хотел – жалели старика генерала, – но в первый же день ощутили на себе его жесткую руку и новую метлу, отчего начальник сразу же получил прозвище Железный Гелий.

И пожалуй, многих бы тогда вымел этот космический пришелец, не случись события, потрясшего весь Центр: этой же ночью при необъяснимых обстоятельствах из своего запертого бокса исчез Слухач. Никаких следов проникновения, взлома – охрана клялась и божилась, – сигнализация не срабатывала, пишущие видеокамеры показывали пустой коридор, ведущий к двери бывшего подводника, а те, что были установлены в боксе, в последний раз сняли спину в тельняшке и руку с часами, свисающую с кровати, после чего дежурный выключил свет: сеанса связи с Покровительницей по расписанию не ожидалось, у Слухача был день отдыха.

Уйти из секретного подземного бункера было все равно, что уйти из подводной лодки...

А было полное ощущение, что пленник просто куда-то отлучился на секунду, не захватив с собой даже верхней одежды.

Шум поднялся невероятный, и хотя говорили о проблемах Центра в специальных кабинетах большие чины, причем чаще всего вполголоса, Гелия в первые дни чуть не оглушило от начальнического рева:

- Немедленно разыскать!
- Служебное расследование!..
- Ты понимаешь, чем это пахнет?! А если Слухач попал в руки противника?!
- А если он сдаст все принципы действия системы Удара возмездия?!
- А если?! А если?!

Карогод и подозревать не мог, сколько над ним неведомых начальников самых разных рангов и сколько служб, кровно заинтересованных в бывшем хранителе «ядерной кнопки». Была полная уверенность, что с работы снимут обязательно, с работы, к которой он толком и приступить не мог, а лишь изучал объект, страдая от легкой одышки.

Новый начальник Центра сразу же заподозрил Непотягова: вывести морского офицера мог только он, предварительно сговорившись с сотрудниками и охраной. Карогода готовили к новой должности давно, тайно от старого начальника Центра посвятили во все тонкости работы с Губским, и Гелий почти уже верил в его уникальные провидческие способности. Однако поверить, что имеющий связи с небесными силами и вполне земную плоть человек в состоянии испариться из запертого бокса, он не мог и в общем-то не имел права. Поэтому поднятые по тревоге спецслужбы начали доскональную проверку прежде для них закрытого бункера, допрос сотрудников и охраны, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепку и копнуть под старика генерала. К ним мгновенно присоединилась разведка, считая себя полноправной совладелицей гения Слухача, и общими силами они несколько дней подряд шерстили Центр, засовывая нос куда не следует.

И в результате ничего не обнаружили. Кроме того, установили, что сам Непотягов и его ближайшее окружение имеют железное алиби, сравнимое разве что с алиби жены Первого Лица. На всевидящего морского офицера возлагались большие надежды, для чего, собственно, подготовили и посадили в Центр Карогода – человека с новым мышлением, который

должен был переориентировать многие направления работы. Справедливо считалось, что Слухача используют не по назначению, что все эти игры с системами Ударов возмездия сейчас уже не дают никакой пользы, и мало того – вредны, поскольку началось активное разоружение и замирение с вероятным противником. Во что должен был потом превратиться сверхсекретный Центр, над какими проблемами предстояло работать, Гелию не открыли, а лишь намекнули, что все они связаны с будущим СССР и его геополитикой, дескать, перестройка начнется в самом скором времени и не следует забегать вперед.

Гелий не обладал железной волей и такой же решимостью, и зря ему дали такое прозвище; скорее он был газообразным, летуче-обволакивающим и инертным, как одноименный газ. К тому же с первого дня на объекте начал страдать одышкой, о которой его предупреждали бывалые сотрудники и от которой он постоянно чувствовал подавленность и легкую головную боль. Привыкнуть к этому было невозможно, и оставалось ждать, когда пройдет процесс адаптации – а его уверяли, что пройдет обязательно! – и активно действовать, прикладывая невероятные усилия.

Наглое похищение жемчужины Центра, его мозгового потенциала возмутило Карогода тем, что он усматривал во всем этом месть своего предшественника. На какое-то время он даже забыл об одышке и почувствовал резкий прилив эмоций и физических сил. Это и толкнуло на необдуманное действие: не имея на руках никаких фактов, самому пойти к Непотягову и устроить допрос. Естественно, они не были раньше знакомы, меняя их на посту, не удосужились даже представить друг другу или не посчитали нужным. Генерал виделся Гелию эдаким старым полуобразованным ворчуном, обиженным самоучкой, что в общем-то сразу и подтвердилось. В прошлом Дмитрий Иванович был трактористом и в армии, естественно, сделался танкистом, затем переучился на ракетчика и даже впоследствии закончил академию, но при этом все равно походил на сельского механизатора. Трудно было поверить, что этот мужик управлял системой УВ – Центром, напичканным суперсовременной электроникой, где лучшие умы составляли компьютерные программы двадцать первого века.

Допрос не получился. Непотягов выслушал Карогода с невозмутимым, по-стариковски рассеянным видом и даже дурака не стал валять, заливая что-нибудь о небесных силах, призвавших к себе Слухача.

– Так и знал, – закричал обиженно. – Уйду – все развалится. Эх, деятели, в душу вас! Такого мужика Бог послал! Один раз в сто лет рождается. Не могли уберечь, олухи... Так и знал!

Гелий считал себя человеком прозорливым, но тут, сколько ни присматривался и ни прислушивался, и тени фальши не заметил. Не мог! Не мог этот старик так искусно играть!

Пришлось сменить тактику, снять жесткий напор, прикинуться озабоченным и беспомощным.

– Где же теперь искать Слухача?

– Смотря какого, – пробурчал генерал. – Если нового, топай по психушкам. Да второго такого не найти, не надейся. Мусору там много: предсказатели, экстрасенсы, колдуны. А толковых, чтоб с небесным покровительством... После Гришки Распутина этот был последний, в нашем веке вряд ли другой будет. Ну, если чудо свершится или ты вдруг человек удачливый, так Бог пошлет...

– А если старого? – спросил Гелий.

– Старого ищи у жены Генсека. Или в разведке. На худой случай в МИДе. Только тебе его никто не отдаст. Ни за что. Напрасные хлопоты, поверь старику.

Гелий почти поверил, поддавшись простоте и точности ответов генерала, и, пока возвращался в Центр, мысленно отработал все три выдвинутые Непотяговым версии, и все они показались реальными, годились для немедленного и успешного розыска ясновидца. Однако по возвращении Гелия срочно вызвали в Кремль: Первому Лицу было доложено об исчезно-

вании объекта под кодовым именем Слухач. Это было как нельзя кстати – старик генерал прав, управу на похитителя можно найти только здесь. Карогод рискнул и после короткого доклада выдвинул две версии; о третьей, то есть о возможной причастности жены Генсека, умолчал.

Генсек изображал то ли Сталина в молодые годы, то ли самого Ленина в зрелые.

– Этого не может быть, это исключено, – уверенно заявил он, а потом как-то рассеянно добавил: – Ошибаетесь вы, батенька. Мне докладывали, что вы молодой энергичный человек с новым мышлением, а подходы у вас старые... А можно ли найти Слухачу достойную замену? У нас такой талантливый по этой части народ...

– Есть еще одна версия, – решился Гелий пойти ва-банк, однако Первое Лицо внезапно перебило, и в голосе послышалось корректное раздражение:

– Оставьте свои версии! Я спрашиваю о замене!

В этот миг Гелий был абсолютно уверен, что Слухача умыкнула из Центра жена Генсека. Разумеется, не сама, с помощью своих людей, но это не имеет значения. Похоже, она решила прибрать ясновидца к рукам для каких-то своих целей, и ее супруг знал об этом... И сейчас дурил ему голову, зная, что Карогод не рыпнется.

– Замену найдем! – сдался Гелий, еще раз вспомнив генерала Непотягова.

– Идите и работайте, – был ответ. – И держите меня в курсе.

На том аудиенция и закончилась.

К первой леди государства, разумеется, подходить с вопросами о Слухаче никто бы в жизни не посмел, так что там хоть роту богоизбранных офицеров спрячь – не найдешь.

Спецслужбы и разведка, рьяно бросившиеся искать следы Слухача, вели себя не менее странно – лезли во все дыры, более проявляя интерес к самому Центру и его электронному мозгу, напичканному специальными программами. Они выдвинули и теперь отработывали версию, что объект из бункера не похищали, а попросту спрятали тут же, благо мест в подземельях достаточно, чтобы спрятать не один десяток человек, поэтому настаивали на полном и доскональном обыске. Центр делился на несколько зон, так что внутри его соблюдался еще один уровень секретности: каждый сотрудник имел ограниченное право входа и соответствующий электронный ключ-карточку, ходить всюду позволялось лишь нескольким Широколобым. Сам Карогод еще не успел побывать во всех отсеках, к тому же знакомство с Центром было остановлено по причине похищения, а спецслужбы, в частности, сильно интересовались вспомогательной Нулевой зоной и просили разрешения на ее осмотр. Гелию не нравилось любопытство чужаков, однако их ненавязчивая назойливость не имела предела, и он решил сам посмотреть, что там хитрого есть в этой вспомогательной зоне. Но странно, его всемогущий ключ-карточка не сработал в замке и дверь в Нулевую не открылась. Карогод тут же связался по телефону с оперативным дежурным и попытался выяснить, в чем дело, однако тот ответил, что либо испортилась электронная карточка, либо замок.

Вывод был глубочайшим, логика железной: они все там, на центральном пульте, сидели такие, забравшись на это теплое место после ракетных точек из какого-нибудь Запупинска. Гелий повесил трубку и хотел уже уходить, но тут дверь Нулевой открылась и появился кто-то из Широколобых. Для Гелия все они были на одно лицо – самоуглубленные, отстраненные от мира, напоминающие лунатиков, они носили ярко-голубую униформу, медицинские колпаки, а на ярлыках-визитках не имели фамилий, как остальные сотрудники, только трехзначный номер с двумя нулями впереди.

Ну точно роботы!

– Минуту! – предупредил Гелий этого Широколобого и ступил к двери. – Не закрывайте...

Тот прекрасно видел, кто стоит перед ним, и все же с механическим упрямством захлопнул дверь перед самым носом начальника Центра.

– Я же просил вас! – рыкнул на него Карогод. – Откройте дверь!

– Пожалуйста, открывайте, – невозмутимо предложил Широколобый, – у вас есть ключ. И преспокойно пошел по галерее.

Нет, все тут работало исправно, и карточки, и замки. Но оказывается, для нового начальника здесь были запретные зоны, куда он не мог войти. И это так неприятно поразило Гелия, что несколько часов он просидел запершись в своем кабинете, откровенно обиженный, оскорбленный, с усилившейся одышкой, ощущая желание плюнуть на этот Центр и вернуться назад, в Институт космоса. Потом постепенно отошел, разумно рассудив, что во вспомогательной зоне ему и делать нечего, поэтому на ключе не выбили нужного значка, а в том, что Широколобый не впустил начальника, нет никакого неуважения, а лишь четкое исполнение инструкций по соблюдению режима секретности.

Убедив себя таким образом, Гелий решил не впускать спецслужбу в Нулевую зону, дабы не выказывать своего состояния, однако на доньшке души осела горечь, как у всякого гордого человека, болеющего о собственной полноценности. И поселилась некая тихая ненависть к Широколобым.

Потом он ненароком забрел на центральный пульт и как бы между прочим спросил, что же там находится, в этой Нулевой, на что оперативный дежурный лишь ухмыльнулся:

– Да что там... Скотный двор.

– Как это понимать? – Карогод снова обиделся.

– А так, в прямом смысле, – рассмеялся дежурный. – Коровы там, свиньи, овцы и даже куры есть. Это на случай, если придется посидеть тут неопределенное время...

Гелий вспомнил, что из двери вспомогательной зоны действительно пахло чем-то теплым и знакомым, как от казацкого курения в родной донской станице.

Успокоившись, начальник Центра отказал спецслужбам в резкой форме, и они сразу же отстали, и только МИД никак не проявил себя после пропажи ясновидца, помалкивал, а там-то его услугами попользовались: никакая политическая разведка не дала бы столько ценной информации о предстоящих переговорах, например в Рейкьявике. Правда, Первое Лицо, получив данные о замыслах партнера, все сделало наоборот, выступив с собственными инициативами, да это уже было дело десятое.

Старик генерал был трижды прав – не отдадут Слухача! Не затем воровали, чтобы отдавать, и пожаловаться некому, хотя начальства хватает, – неизвестно, на кого нарвешься.

Пришлось последовать совету старика, чтобы выполнить задание Генсека, – идти по психушкам и искать новый объект, положившись на волю Божию. Гелий не оставил все-таки надежды отыскать и Слухача, для чего подключил аналитиков, программистов, психофизиков – в общем, всех Широколобых, и параллельно отправил своих послов в печальные заведения. К тому времени Генсек переименовался в президенты, что когда-то предсказывал Слухач, называя даже день и час принятия присяги, а также количество дней, отпущенных ему на царство.

Президент и помог отыскать нового слухача, причем не в психушке, а на московской улице, где глава государства встречался с горожанами.

3

В течение недели медик Центра приводил юродивого в чувство, вернее, в его нормальное состояние, залечивая разбитое лицо и особенно язык, который оказался наполовину откушенным, так что пришлось накладывать швы. По этой причине юродивый не мог говорить, а только едва слышно шептал, глотая сочащуюся кровь:

– Радуйтесь, люди... Матка летит...

Кроме жесткой работы президентской охраны, с объектом кто-то успел поработать и в другом плане – то есть определить «профессиональные» возможности Прозорова. Кто-то уже знал о его способностях предсказателя и волевым решением остановил свой выбор на нем, не посоветовавшись с новым начальником Центра. Гелия это задело, однако он не стал сопротивляться приказу свыше, а лишь запросил документальное обоснование такого решения. К тому времени общество переживало первый приступ демократии и на улицы были выпущены из психушек все инакомыслящие, колдуны, провидцы, экстрасенсы – словом, все, кто имел потусторонние связи, ранее отрицаемые материалистической идеологией. По стране как грибы начали расти всевозможные секты, фонды и фирмы, использовавшие человеческие возможности общения с небом и землей, с Богом и дьяволом. С экрана телевизора не исчезал главный маг и чародей Кашпировский, страдающий жутким косноязычием, но при этом на какое-то время ублажавший доверчивое народонаселение. Карогод понимал, что все это делается, чтобы переориентировать психику среднего гражданина, увести его от марксистских догм к догмам другим, насытить его потребность в прикосновении к чуду, к ранее запретным темам, однако не освобождать его от ярма материализма, а запрячь в иное, ускользающее, то самое, которое используют в эпоху революций и перестроек, когда человеком следует управлять исподволь, внушая ему, что он наконец-таки получил желаемую свободу. Иезуитский этот способ не казался Гелию совсем уж неприемлемым; его модель была давно отработана, например, в Соединенных Штатах, где таким образом на протяжении долгих лет удерживали общество от социальных взрывов...

Карогод пока еще не знал точно, однако предполагал, что будущая перестройка в Центре будет связана с этой моделью, и потому, посылая запрос, хитрил, желая косвенным путем найти подтверждение собственным выводам. Ответ пришел неожиданный: вероятно, специалист в области Астрального Анализа раскручивал Прозорова только в направлении, связанном с ядерным щитом и Ударом возмездия, по старой схеме, и объект, естественно, предсказал вещи странные, звучащие дико. Будто начиная с 1999 года в Севастополе и в Прибалтике встанут американские авианосцы с ядерным оружием на борту, а самолеты будут контролировать моря, объявленные зонами национальных интересов США. И что год 1999-й будет годом Радости дьявола, однако его торжество продлится недолго, поскольку три зловещие последние цифры перевернуты вниз головой, что означает зеркальное отображение реальности. Это значит, конец света для России только привидится, но и призрака будет достаточно, чтобы народ очнулся от сна и осознал явь.

Слухач ничего подобного не предсказывал и вообще не поминал дьявола, поэтому заявление Прозорова было весьма сомнительным, но руководство думало иначе и настоятельно рекомендовало начать с объектом предварительную работу – досконально изучить его личность.

Его поместили в бокс, где сидел Слухач, предварительно еще раз обследовав стены с помощью аппаратуры. Карогод сам присвоил ему кличку – Матка, полагая, что это точно характеризует внутреннюю суть объекта. Он не особенно надеялся на успех, но втайне торжествовал маленькую победу над стариком генералом: есть, есть на Руси обиженные, и не сошелся

свет клином на Слухаче, хотя Широколобые, работавшие с предыдущим ясновидцем, на этого смотрели скептически.

Назло Широколобым работать с объектом Карогод решил сам, по крайней мере на первых порах. Личность юродивого установили тут же: в кармане оказался членский билет «Общества охраны животных» на имя Прозорова Валентина Иннокентьевича. После проверки, сделанной еще охраной президента, выяснилось, что он по профессии инженер-электрик, работал начальником смены, а потом рядовым электриком на подстанции и проживал в городе Студеницы, снимая там комнату в частном доме после развода с женой. Никаких дополнительных сведений и характеристик не было, за исключением справки врача, который делал осмотр после задержания и установил диагноз – циклофрения, маниакально-депрессивный психоз тяжелой степени плюс к этому сумеречное состояние.

Гелий сделал запросы по месту жительства, в центральные органы спецслужб и Минздрава: информационная дорога для Центра была открыта всюду. В столичных ведомствах ничего не знали и не слышали о таком человеке; его как бы не существовало в природе, но из города Студеницы сообщили интересные сведения. Оказывается, местный уроженец инженер электроподстанции Управления северных сетей Прозоров до поры до времени считался отличным работником, семьянином, заботливым отцом и вообще интеллигентным человеком. Но восемь лет назад произошло несчастье: зимой в сильный мороз Валентин Иннокентьевич поехал на мотоцикле к себе на подстанцию, которая находилась в нескольких километрах от города, а чтобы не продувало, полушубок надел задом наперед, застегнул его на спине и поднял воротник. Так поступали все мотоциклисты в округе в зимнее время. На дороге его занесло, мотоцикл улетел в кювет, а сам Прозоров сильно ударился головой об лед и потерял сознание. Спустя полчаса – движение по-утреннему было слабым – мимо проезжали на машине какие-то два гражданина и, заметив мотоцикл в снегу и человека на обочине, решили ему помочь. Из-за неправильно надетого полушубка им показалось, что у того вывихнута шея, развернули ему голову, погрузили в свою машину и привезли в больницу. И там, когда раздели пострадавшего, поняли, что случилось. Прозоров выздоровел, стал молчаливым, потом раздраженным, и через год у него обнаружили признаки циклофрении, после чего он и был переведен в дежурные электрики. Мало того, он уверовал в некое учение Порфирия Иванова, стал ходить босиком по снегу, обливаться ледяной водой и всем встречным говорить «здравствуйте!». Он порвал с семьей, обвинив жену и детей во всех смертных грехах вплоть до богохульства и сатанизма, разругался с друзьями и товарищами по работе и, наконец, вообще перестал разговаривать, заявив, что по воле свыше принял на себя обет молчания.

Молчал он целый год и за это время начал усиленно читать богословскую литературу, которую выписывал из Ленинграда, и заниматься астрономией, для чего оттуда же выписал через Посылторг небольшой телескоп. Учительница-пенсионерка Лидия Васильевна, у которой поселился после развода Прозоров, отчего-то так полюбила нездорового постояльца, что позволила ему пропилить крышу своего дома и устроить там обсерваторию. Все свободное от работы время он либо читал, либо смотрел на звезды и что-то высчитывал, и, когда закончился обет молчания, Валентин Иннокентьевич свел с ума свою бездетную квартирную хозяйку. Иначе никак нельзя было объяснить, почему Лидия Васильевна, имея преклонный возраст, согласилась выйти замуж за квартиранта и после официальной регистрации брака переписала на Прозорова свое имущество. Мало того, стала говорить знакомым – а их было невероятное множество, – что беременна и что обязательно родит девочку и назовет ее Еленой. Живот у нее действительно рос, на удивление студеницкой публики, и оставалось лишь пожимать плечами, обсуждая такое чудо.

Однако чуда не свершилось. По истечении девяти месяцев беременность у бабушки исчезла, а сама она, будучи в горе и скорби, заявила, что родила мертвую девочку и схоронила ее на городском кладбище. После этого ее действительно стали видеть возле свежей детской

могилки, насыпанной, разумеется, просто на земле и увенчанной небольшим крестом. Одни считали, что старушка учительница выжила из ума и разыгрывала спектакль, другие, якобы более сведущие, уверяли, будто она выносила плод, но в домашних условиях не смогла разродиться по старости и погубила ребенка. Короче, по анонимному заявлению человека, назвавшегося фельдшером, началось краткосрочное следствие, которое сразу же установило, что под крестиком на кладбище ничего нет, и на этом дело закрыли. Но анонимщик не успокоился и потребовал медицинской экспертизы самой Лидии Васильевны, указывая на тот факт, что три месяца назад по тайной просьбе Прозорова лично обследовал старушку и нашел у нее двадцативосьминедельную беременность. Подобным заверениям долго никто не верил, никакого нового дела не возбуждали еще и по той причине, что все работники милиции были в прошлом учениками старой учительницы. В Студеницах милиция еще не потеряла совести, и поэтому на зловерного безымянного фельдшера махали рукой, пока он не написал жалобу в область.

И тут, хочешь не хочешь, пришлось под благовидным предлогом вызвать старушку в больницу и там провести обследование ее психического состояния и заодно – детородных органов. Результат был потрясающим: у никогда не рожавшей Лидии Васильевны обнаружили остаточные явления недавней беременности и родов, что подтверждали два специалиста независимо друг от друга. И все-таки бывшие ученики пожалели несчастную, не дали выползти истине на свет Божий и по предварительному сговору выпустили документ, полностью отрицающий какие-либо факты, указанные в жалобе анонима. Однако старушку учительницу признали невменяемой и отправили для блага ее же чести в сумасшедший дом. Она грозила анафемой, карой небесной за неблагодарность своих учеников, но ничего поделать не могла. При медицинском обследовании в областной психиатрической больнице следы беременности и родов обнаружили, но этому тут не придали значения, хотя врачи и констатировали такой факт.

А разозленные стражи порядка в Студеницах вплотную взялись за Валентина Иннокентьевича, обвиняемого во всех смертных грехах, с единственной целью отомстить за старую учительницу. Да не тут-то было! Всякий следователь или оперработник, едва соприкоснувшись с этим странным человеком, чувствовал полное профессиональное бессилие и растерянность, особенно после откровенных бесед один на один. Кто бы ни разговаривал с Прозоровым, все единодушно признавали его невиновность, и дело это вскоре закрыли окончательно.

Последние четыре года Прозоров где-то отсутствовал, по крайней мере документальных свидетельств о месте его проживания не было. Это обстоятельство автор специальной справки упустил, но Карогод заметил такой факт и послал новый запрос. Пока же спецслужбы устанавливали, где объект находился столько времени, сам Матка выздоровел и стал настойчиво делать заявления, что не будет находиться в этой палате (ему сказали, что он помещен в психбольницу), затем потребовал главврача. Гелий проигнорировал его капризы, но через несколько дней затворник начал стучать, ломать мебель и в результате случайно повредил обе видеокамеры, вмонтированные в стены. Идти с ним на прямой контакт было еще рановато, да и приказа не поступало, и все-таки делать это пришлось, поскольку на следующий день он так же «случайно», как докладывала охрана и наблюдатели, вывел из строя все микрофоны, установленные в палате, таким образом уйдя из-под контроля.

Карогод обрядился в белый халат, повесил на шею фонендоскоп и явился к Матке.

4

Внешне юродивый выглядел вполне здоровым человеком: спокойный взгляд, живое лицо и ни тебе специфических гримас или странных ужимок. Должно быть, он смирился с участью затворника и в присутствии Гелия никак не проявлял своего несогласия сидеть в палате под замком, однако сразу же повторил свое прежнее заявление:

– Прошу вас перевести меня в другую палату! В этой я находиться не могу. И не буду.

– Чем же она не нравится? – мягко спросил Гелий. – Пока вы не учинили погром, здесь было все прилично.

– Прилично? Это вы считаете прилично? Неужели вы ничего не чувствуете, не видите, глядя на эти стены?

Видимо, Матка имел в виду глазки видеокамер и микрофоны, сейчас бездействующие, поэтому Карогод сказал невозмутимо:

– Нет, ничего не вижу и не чувствую. Разве сейчас что-нибудь происходит со стенами?

– Меня мучает страшная одышка! Я почти умираю от недостатка воздуха.

– У вас постоянно включен кондиционер.

– И все равно я задыхаюсь здесь!

– Это процесс адаптации организма. Он скоро пройдет, – скрывая собственную одышку, сказал Карогод. – Делайте дыхательную гимнастику.

Прозоров только покачал головой и вздохнул:

– Это говорит главный врач... И вы еще беретесь лечить больных людей? Как же можно, не имея человеческих чувств... изгонять из людских душ нечистую силу?.. Тут же все пропитано дьявольской энергией! Вот, смотрите! – Он ткнул в побитую стену. – На целый вершок! Теперь придется снять всю штукатурку, упаковать ее в медные ящики, собрать пылесосом всю пыль и все это вывезти в ядерный могильник. Иначе никак не избавиться от ее проникающей радиации.

– А что, вы чувствуете в этих стенах радиоактивность?

– Вы не понимаете меня... Настоящей радиоактивности нет. Но дьявольская энергия имеет ту же природу – незримо проникает в структуру вещей и предметов, в живые ткани. Это что-то вроде диффузии металлов... Не понимаете?

– Не совсем, – откровенно признался Карогод, – но если объясните, я уловлю суть.

– Всякая энергия, исходящая от объекта, чистая или нечистая, имеет способность накапливаться в окружающей среде. Хотя вы и доктор, но должны были слышать о магнитных полях, существующих вокруг нас.

– Да, я что-то слышал, – сказал ученый-электронщик, зубы съевший на теории магнитного поля.

– Так вот, мы забыли, что живем под постоянным магнитным воздействием, под воздействием тонких энергий, которые раньше называли эфирами. Они же влияют не только на человеческую природу, поведение, психику; но и сам человек, напиваясь тонкими энергиями, перерабатывает их в своем внутреннем магнитном поле и выдает материальный продукт в виде сияния или, простите... дерьма. И этот продукт имеет способность накапливаться, как, например, тяжелые металлы в нашем организме. Вы же, наверное, замечали: если хороший человек жил в доме – всем другим там будет хорошо, а если черный – их ждут несчастья, болезни и смерть. Причем энергия сатаны бывает намного сильнее энергии добра и обладает способностью проникающей радиации.

– А энергия добра не обладает?

– Только на иконах. Знаете, есть намоленные иконы. Светлую энергию при жизни ее носителя называют АЗ. Если долго молятся перед иконами, эта энергия проникает в красочный

слои, дерево и становится энергией ЯЗ. Это как отражение АЗ. И еще там, где жили поэты. ЯЗ у поэтов очень мощный, так что проникает глубоко в дерево и камень. Слышали, недавно разрушили питерскую гостиницу «Англетер»?

– Разумеется, известный факт...

– И то, что дом Ипатьева снесли в Свердловске? Где царскую династию убивали?

– Слышал, конечно.

– А зачем? Задумывались?

– Ничто не вечно под луной...

– Ошибаетесь, энергия ЯЗ вечна, если она проникла в материю. А здание гостиницы было крепким, простояло бы еще столько, но, как вы знаете, там жил поэт Сергей Есенин, певец русской души. Там же был убит. Его светлая энергия насытила не только стены, но и весь дом. И чтобы не выпустить ее на свободу, гостиницу уничтожили. К власти пришли черные силы, да те же самые, что убили Пушкина, Лермонтова, Есенина. Они убивают царей и поэтов, разрушают их АЗ, а потом и ЯЗ, который остается после них на земле, в камне, – стирают память.

– Но зачем же, по-вашему, снесли Ипатьевский дом? – поинтересовался Гелий.

– Как? Вы и этого не знаете? – изумился юридивый. – Должно быть, трудно вам жить...

Но я помогу, доктор! Дело в том, что открыт способ... В общем, энергию ЯЗ можно извлечь и использовать для добрых великих целей. А еще можно полностью восстановить события. Например, как и кто расстреливал царей.

– И кто же совершил такое открытие?

Он помолчал, рассматривая свои руки, сказал скромно:

– Я и открыл... Разумеется, в это трудно поверить.

– Да нет, я готов поверить, – признался Гелий. – Только многого не понимаю. Неужели эта ваша энергия имеет материальную сущность?

– Как и все живое! Но невидимое. Я же говорил об эфирах!

– Это что, идет проникновение на уровне частиц?

– Верно. Только происходит реакция замещения, – сразу же загорелся Матка. – Необратимый процесс во всякой материи, живой и неживой. Кто прикоснулся к дьяволу, тому невероятно трудно очиститься от грязи, пропащая душа. А кто приобщился к поэзии, к поэту или прикоснулся к его энергии ЯЗ, тот, наоборот, обрел вечную душу и душевную радость. Поэтому штукатурку придется снять с помощью машин и машины потом уничтожить. Ни в коем случае не заставляйте делать это людей. А того больного, что находился здесь до меня, нужно немедленно изолировать в медную клетку с размером ячеек не менее трех сантиметров. Как же вы держали его в этой палате? Сами-то как сейчас себя чувствуете? – Он неожиданно оттянул веки Гелию, заглянул в глаза. – У вас есть чувство совести?

– Кажется, пока еще есть, – неуверенно проговорил Карогод, ощущая какое-то внутреннее сотрясение от прикосновений Матки.

– Если есть у вас совесть, зачем же вы держите в своей больнице мертвые души? Тем более детские мертвые души?

Карогод был готов ко всему, отправляясь к объекту, но в этом вопросе он услышал не просто отзвук безумия, а некий сигнал, действующий прямо на подсознание, – отчего-то волосы встали дыбом и руки по локоть охватило «гусиной кожей».

– Здесь нет мертвых душ, – осторожно вымолвил он. – Тем более нет детей...

– Как же нет? – возмутился Матка. – Как же нет, если я все время слышу детский смех и одновременно – стон и зубовой скрежет? Так ведут себя только мертвые души. Вы что, опыты на них ставите?

– Да нет же, нет! – искренне заверил Карогод. – В нашей больнице никогда не было детского отделения.

– Вижу. Вы говорите правду. Только вас ввели в заблуждение: дети есть. И как совестливый и честный человек вы должны спасти их мертвые души.

Переубедить его было невозможно, и тогда Гелий решил сменить подходы:

– Ну хорошо, возможно, я чего-то не знаю, все-таки больницу принял недавно и человек тут новый... Обязательно разберусь. А вы не подскажите, как их можно спасти? Мертвые души? Как оживить?

– К сожалению, их невозможно оживить. Это не под силу даже Господу Богу, потому что они – не Его порождение.

– Кто же их породил? Если не Господь?

– Его антитеза – дьявол. Мертвые души – суть порождение Асмодея.

– Что же делать с ними прикажете?

– Это страшно и негуманно, – потупился ясновидец. – С точки зрения безбожного человека... Но еще страшнее оставить их на свете. Поэтому жизнь этих детей придется... прервать. В этом и есть спасение. Мертвые души приходят из небытия и уйти должны туда же, чтобы не губить живые.

– Спасение в убийстве? – Гелий чувствовал, как сотрясается его душа и протестует сознание.

– Убить невозможно то, что не родилось. Поэтому здесь иное понятие... Следует прервать нерожденную жизнь.

В голове у Карогода что-то отчетливо щелкнуло и будто красная лампочка замигала: не так-то просто было разговаривать с сумасшедшим! Послушаешь вот так, без подготовки, и сам начнешь выдавать перлы...

Надо было сменить тему!

– Ладно, я подумаю, – пробормотал он. – С детьми решим... Меня больше волнует другое: что делать с пациентом, который находился в вашей палате и пропитал стены энергией. У него тоже мертвая душа?

– Нет, у него-то еще живая, только искушенная. Поэтому если посадить в клетку из медного прутка, то можно избавить от дьявольского соблазна. Он взбесится, начнется страшная ломка, страдание, но потом все пройдет... Впрочем, стойте! – Он вскочил и закружился по камере с поднятыми руками.

– Все это выполнимо, клетку немедленно закажем на заводе и штукатурку уберем. – Карогоду пришла в голову оригинальная мысль, и теперь он нес ее собеседнику, как хрупкое яйцо. – Только вот беда – вашего предшественника нет. Где же его искать?

– Замолчите, доктор! – страстно сказал Матка. – Не мешайте мне!

Это действие с руками длилось минут пять, после чего объект сел на свое место, но уже с радостным, покойным видом.

– Теперь вам и клетка не понадобится. Понимаете, доктор, есть еще один способ избавить человека от дьявольской энергии. Им пользовались всю историю человечества, а медные клетки ведь появились недавно, всего, может быть, тысячи две лет назад...

– Какой же это способ?

– Одиночество. Это значит – монастырское покаяние и молитвы. Но для этого надо научиться. Просто читать молитвы нет смысла, надо уметь молиться. Насколько я почувствовал, мой предшественник научился и обошелся без клетки.

– Где же он? Где?

– Как это – где? Разумеется, в монастыре. Его же отправили в монастырь!

– В монастырь? – ахнул про себя и чуть не выдал своих чувств Гелий. – Кто отправил? Что-то я не слышал...

– Кто отправил? – Юродивый на секунду задумался, скользнул взглядом по двери. – Сейчас... Какой-то генерал. Имени не вижу... Пожилой человек, очень сильный. Мой предше-

ственник называл его только генералом. А вот имена помощников вижу, они близко... Гольцов, Рушниченко, Петряев и Словацкий. Но генерала никак не рассмотрю и этого, который здесь жил...

– И я его плохо помню, больного, – посетовал Гелий. – Даже фамилию забыл. Надо бы поднять историю болезни и посмотреть...

– Нечего и смотреть, я так вижу! – вдруг прервал юродивый. – Говорю же вам, стены, штукатурка! Можно считывать любую информацию, восстановить события. Здесь находился Вадим Аркадьевич Губский, капитан первого ранга, подводник. Вы думаете, почему у людей осталась привычка писать на стенах, на камнях и заборах? Да потому и осталась, что забыли о такой энергии, как ЯЗ! Ведь и писать ничего не нужно, мы без того оставляем автографы повсюду, где бы ни были. Иное дело, считывать некому, утрачена чувствительность...

– А в каком монастыре он сейчас? – перебил этот словесный поток Карогод.

– Инок Свято-Кирилловской обители, пострижен с именем Рафаил... Можно себе представить, что испытал этот несчастный! Это страшнее, чем наркотическая ломка. Это почти смерть! Почему их и называют – живой мертвец.

Он отвечал так быстро и легко, не задумываясь, что Гелий на миг усомнился в прозречестве и правдивости его слов. О Слухаче Матка мог узнать от охраны или сотрудников, втайне от начальника вступавших в контакт с объектом, а теперь накручивает небылицы про обитель. В самом деле, не со стен же он считал все, что говорит?..

Усомнился на один миг, поскольку в следующий ему стало жарко.

– А, вижу! Фамилия генерала теперь Непотягов, – внезапно брякнул юродивый. – Он сейчас у себя дома книжные полки делает, книги перевез. И второй день водку пьет.

Новое имя бывшего начальника Центра знали всего три высших должностных лица в Генштабе и он, Карогод...

– Хорошо, я обязательно выясню, – пообещал Гелий, вдруг заторопившись от распирающих душу чувств. – Дам распоряжение, чтобы перевели в другую палату. Еще есть какие-то просьбы или пожелания?

– Решите вопрос с детскими мертвыми душами!

Это у него было навязчивой идеей, и Гелий попытался увернуться.

– Добро, найдем сначала детей и решим...

– А что их искать? Кругом такой смех и скрежет зубовый, за версту слышать. Вам что, уши не режет? Прикажете медсестрам или медбратьям, пусть покажут, если со слухом у вас не все в порядке.

– Непременно! Больше нет пожеланий?

– Немедленно переведите меня в другую палату.

– Сейчас подготовим и переведем. Что еще? Или все?

– Не совсем все. – Прозоров задумался ненадолго и взглянул виновато. – Вы можете мне сказать, сколько меня продержат в больнице?

– Пока еще рано говорить о выписке.

– Понимаю, виноват. Президент – лицо неприкосновенное, а я позволил себе такую вольность... Но я обязан был сказать! Если я вижу, что его звезда сгорела и обратилась в булыжник. Кстати, послезавтра ночью империя разрушится.

– Какая империя?

– СССР... Я же ему сказал – звезда сгорела и превратилась в камень, в булыжник – оружие пролетариата. Если бы услышал мой крик – принял бы меры, образумился и не понес горе народам. А теперь будет много горя, потому что завтра они уже съедутся в Белой Веже, а послезавтра ночью взорвут империю изнутри. Вот будет грохоту! Почтище Чернобыля! Высвободится энергия сцепления. А она опаснее, чем радиация...

Это уже напоминало бред. Лицо больного медленно превращалось в белую страшную маску. Гелий пообещал исполнить желание затворника и поспешил удалиться из камеры. Он тут же отдал распоряжение освободить один из кабинетов, оборудовать его прослушивающей аппаратурой, поставить кровать, стол и стул – словом, создать минимум удобств и перевести туда объект. Сам же помчался наводить срочные справки по поводу Слухача, теперь носящего имя отца Рафаила.

5

Спецслужбы чутко реагировали на запросы Центра, однако прошли сутки, прежде чем Карогод получил требуемую информацию. Вернее, лишь половину ее – подтверждение, что в Свято-Кирилловском монастыре действительно есть недавно принявший постриг монах по имени Рафаил, в миру носивший фамилию Губский.

У Гелия сперло дыхание, хотя другая часть сведений еще была где-то в пути – фото-портрет и биографические данные. Чувства он испытывал сложные: то неумной, какой-то ребячьей радости, которую приходилось душить в зародыше, то страха неизвестности – тоже по-детски острого и необъяснимого. Получив наконец по факсу полную информацию, Гелий, несмотря на поздний час, отправился к генералу Непотягову в район города Апрелевска, где старик получил хороший сельский дом от государства вместе с пенсией и новым именем. Конечно, в первую очередь руководствовался местью – любопытно было глянуть на физиономию генерала от сельской механизации, когда тот станет рассматривать фотографию в черной рубашке с приложенной справкой. Однако вместе с тем осваивающий азы Астрального Анализа новый начальник Центра интуитивно тянулся к старому и опытному в этих делах человеку, чтобы, доказав свои способности неожиданным розыском пропавшего ясновидца-подводника, найти себе и соратника в лице Непотягова. Повертится, поворчит и все равно никуда не денется, потому что ушел из Центра не по своей воле, а был отсажен от любимого занятия, как дитя от груди...

Генерал и правда мастерил книжные полки во всю стену и топил стружками высокий мраморный камин с узорной решеткой и занавесом из цепей, чтобы не вылетали угли. Странно, он не удивился позднему гостю и встретил так, словно давно поджидал Гелия: на журнальном самодельном столике возле камина стояли тарелки с нехитрой закуской и литровая бутылка хорошей импортной водки, на четверть уже отпитая. Должно быть, Непотягов от скуки время от времени выпивал по рюмке, что, впрочем, и сделал сразу же после того, как Карогод перешагнул порог и поздоровался.

– Ну, что хорошего скажешь? – спросил он, закусывая мясистым свежим помидором, присесть пока не приглашал. – Если приехал сказать, что Союз сегодня ночью развалит, так это я знаю. Слетелись вороны добычу делить, потом рыжие лисы сбегутся добычу выманить...

В его предвидении не было ничего странного: когда-то Слухач предсказал развитие событий и судьбу первого и последнего президента СССР, назвав дату окончания царствования и точную схему его низложения. Правда, выразил это иносказательно, заявив примерно так же, как сейчас генерал: что-то про ворону, сыр и хитрую лису, как у великого баснописца.

– Ничем ты меня не удивишь, парень, – продолжал Непотягов, дожевав помидор и набрав в рот мелких гвоздей из хрустальной пепельницы. – Ну что смотришь? Садись. Выпить хочешь – наливай и пей, помяни империю. Все-таки фашисту хребет сломали, в космос вырвались и этим подросткам спуска не давали.

– Каким подросткам? – машинально спросил Гелий, вспомнив навязчивые идеи Матки по поводу детей. Неужели и генерал заговаривается?

– Ну, у нас сейчас один подростковый народ на земле, одна страна с ребячьим сознанием – Североамериканские Штаты...

– Почему с ребячьим?

– С каким же еще?.. Двести лет государству, и то из них добрая сотня полного беззакония. Шпана, подростковая психология, вчерашние рабы и уголовники, вырвавшиеся из-под хозяйской опеки. Поставили каменную бабу с факелом, назвали Свободой и теперь на нее молятся, а что сказано в Писании? Не сотвори кумира! Сотворили, а свободы не было и не будет, потому что самооценностью обладает только воля. Она, как отпечаток пальца, неповторима и связана

с индивидуальностью каждого человека. Вольным можно остаться, даже сидя за решеткой. А свобода – понятие рабское, недостойное вольного человека. Теперь и думай, кто они со своим идиологом женского рода?. Нет ничего паршивее, когда разум еще не созрел, но силы много и шишка стоит. Так и хочется куда-нибудь ее засунуть... Ты что, пацаном не был?.. Ох и пожалуют еще, что старушку Россию изнасиловали.

Он немного шепелявил, удерживая во рту гвозди, которые ритмичными ударами молотка вгонял в облицовку книжных полок. Все это подчеркивало его непоколебимость и спокойствие.

– Ты еще мой Центр не развалил? – вдруг спросил Непотягов. – Команды свернуть программу не поступало?

– Не поступало, – осторожно ответил Гелий, ощущая желание выпить.

– Ну, жди, скоро поступит... Если, конечно, не врешь. – Он угадал внутренний позыв гостя, почти насильно усадил Гелия за стол, налил водки полный фужер и сел сам. – А слабо сегодня ночью припугнуть это хамье? Не включать систему Удара возмездия, а только припугнуть? Поднять в космос спутник связи Ф-91 по варианту «Прощание славянки» и развернуть передающие антенны? Это старый вариант, они его сразу засекут и наделают в штаны так, что лет тридцать еще будут отстирывать, как после Карибского кризиса? Помнишь, как шпана эта перетрухала, когда жареным запахло? Они же храбрые, когда в стае и когда встречаются в темном переулке одинокого прохожего, но выломай кол из забора – как брызги в разные стороны. Детское сознание, повышенное чувство опасности, особенно когда перед тобой взрослый, матерый дядя с дрыном в руках... А кто был автор Карибского кризиса? Как сейчас говорят, автор проекта? Да, не без гордости сообщаю. – Генерал постучал себя в грудь. – Думаешь, так просто было тогда в сорок лет получить генерала и возглавить Центр? Точнее, создавать его на пустом месте?.. А тебе слабо? Ну, чтобы сами не рыпались и эти идиоты в Белой Веже не дергались, когда их за ниточки тянут?

– Слабо, – неожиданно для себя признался и на какой-то миг устранился старика Карогд. – Сейчас не шестьдесят второй год. Помилуйте, генерал!

– Да, что верно, то верно... Ну, извини, это я тебя провоцировал, проверял на вшивость. – Генерал выпил в одиночку, по-мужицки крикнул и утер губы тыльной стороной ладони. – Вижу, ты парень крепкий, хоть и интеллигент с гражданки. Другое время нынче, и пугать никого не нужно. Подростки бы, конечно, в штаны навалили, но толку для России – нуль. Другое время, другое сознание сформировалось за эти годы. В конце концов мы думать должны о пользе для своего Отечества, а не за какие-то Североамериканские Штаты. Мы слишком долго не знали поражений, кровь подзагустела, обленились, предались мечтательности. В последний раз нас японцы сделали почти девяносто лет назад, а результат – к тринадцатому году Россия вышла на первое место в мире. Всего-то и понадобилось десяток лет... Удар возмездия – вещь соблазнительная, но нереальная, и, скажу тебе по секрету, я в Центре много лет дурака валял. Нет, толк, конечно, был. Например, держать в постоянном страхе мировую шпану. Но я-то лучше всех знал, что никакого возмездия не будет, случись что. Это же не в нашем характере, тут больше восточного, чего-то коварного, нерусского. Короче, это все дух интернационализма, пропаганда всеобщей смерти во имя некой победы и светлого будущего. Оно бы, конечно, смешно посмотреть, как янки укакаются, да сами мы потеряли вкус к движению. Потому империю сегодня развалит... Помнишь, как гибла династия Романовых?.. Все повторяется, посеявший ветер пожнет бурю.

Непотягов налил водки. Этот его монолог напоминал застольный спич, произнесенный самому себе. Закончив речь, он было потянул рюмку к губам, приподняв по-гусарски локоть, однако что-то вспомнил, слегка обвясил и на какое-то время забыл о выпивке.

– Потерпевший поражение выходит из боя злым, а значит, и активным, – заключил он с явным внутренним напряжением. – Посмотри на Германию. После такого разгрома по логике вещей она не должна была встать на ноги и через полсотни лет. Но встала и пошла вперед, резко

и энергично. Скажешь, американцы помогли? Шиш! Япония вон вообще получила... ядерный Удар возмездия и никакой подмоги. А мы теперь говорим – экономическое чудо. Морду набили, вот и все чудеса... Стыдно осознавать, что сейчас и нам юшку пускают. Позорно, аж скулы сводит... А выбора нет. Так помянем же империю! И нашу прошлую славу.

Он опять выпил в одиночку, вместо закуски взял сигарету и прикурил от головни, выхваченной из камина.

– Старею, пьянеть начал, – усмехнулся генерал и поднял на Гелия совершенно трезвый взгляд – прежде смотрел в сторону или выше головы, будто чего-то стыдился. – А ты что приехал?

Карогод пригубил фужер, сделал небольшую паузу, словно перед броском.

– Я нашел хорошую замену Слухачу.

Старик даже глазом не мигнул, вероятно, не поверил.

– Поздравляю. Значит, тебе повезло. Бог послал... Или черт.

– Так что не перевелись еще на Руси ясновидцы.

– А на кой он ляд теперь-то? – вздохнул генерал. – Развалят СССР, изменят ядерную доктрину. Центр ликвидируют в первую очередь. Если вообще догола не разденутся... Так что Удара возмездия не предвидится, скоро будешь ты нормальный безработный.

– Да, перспектива! – усмехнулся Гелий.

Видимо, Непотягов еще не знал о грядущей перестройке в Центре.

– За кордон не отпустят, хотя за твои мозги хорошо бы заплатили, – продолжал рассуждать он, забрасывая стружки в камин. – Насколько я помню, ты же специалист по космическим вооружениям?.. И здесь тебя станут пасти, как сейчас меня пасут. Шагу без присмотра не сделаешь, как в колонии строгого содержания. Внуки приезжают, так и их отслеживают: куда пошли, с кем встретились, о чем говорили после визита к дедушке... Влип ты, парень! Угораздило же тебя под самый занавес в этом секретном дерьме уделаться.

– Неужто так строго?

– Не то слово... А что он может, этот твой новый ясновидец?

– Ничуть не хуже вашего. Ну, будем здоровы! – усмехнулся Гелий и выпил. – Правда, у него нет Небесной Покровительницы, все про какую-то матку говорит. И еще ему дети мерещатся с мертвыми душами.

– Дети? – отчего-то напрягся генерал. – Какие дети?

– Я вот так же подскочил, – признался Карогод. – Надеюсь, вы мне в наследство детей там не оставили? А то из меня воспитатель никудышный.

– Нет там никаких детей! Что за психа вы себе добыли?

– Да он не просто псих. – Гелий ощутил легкое внутреннее торжество перед важным моментом. – Есть у него кое-что и положительное. Например, рассказал мне, как и с помощью каких сотрудников Центра вам удалось умыкнуть Слухача среди бела дня. Фамилии назвать?

– Не надо, – потускнел старик. – Да... И правда, не перевелись еще на Руси ясновидцы. Ловкий ты парень, пожалуй, тебе безработица не грозит...

– Это точно! Я побеседовал с вашими помощниками. Рушниченко и Словацкий подтвердили предсказания. И вас сдали, генерал. Потому что бояться безработицы. А вот вам кое-что грозит. И на старые заслуги не посмотрят. Не мне вам рассказывать, что такое внезапная и острая сердечная недостаточность. Тем более вы пожилой человек, всю жизнь на нервной службе...

– Ты мне нравишься. Я тоже в молодости был шустрый.

– Я предлагаю выход из положения следующий, – нажал Карогод. – Вы, товарищ генерал, докладываете мне, где сейчас находится Слухач, а я после того, как верну его в Центр, – забываю о вашем недальновидном поступке. Случается же и у молодых провал в памяти?

Непотягов оставил свое занятие, присел рядом, по-стариковски оперся о свои колени.

– Случается и у молодых, и у старых...

– Надеюсь, у вас их пока не наблюдается, – заметил Гелий и тут же спросил резко: – Зачем вы изъяли Слухача из Центра?

– Эх, не хотелось бы от сердечной-то недостаточности...

– Можно и за решетку в лучшем случае. Там вольный человек остается вольным. Не так ли?.. Так зачем? Куда? С какой целью? Чтобы мне напакостить?

– И в мыслях не было! Напакостить... Какое слово нашел. – Старик вздохнул.

– Что же было... в мыслях?

– Я ликвидировал Слухача, – вдруг спокойно признался Непотягов. – Отвез на военный полигон под Черкашино и расстрелял в овраге. Берег потом подорвали и похоронили... А надо было бы еще кол осиновый вбить, чтобы не вылез!

Карогод встал, подбросил несколько горстей стружек в камин, полюбовался, как горит.

– Зачем?.. Был приказ сверху?

– Да не было никакого приказа! – внезапно взорвался генерал, показывая свое велико-
лепное мастерство блефа. – Дадут они приказ, жди!.. Сам. Грех на душу, может, взял!.. Только не мог его оставить на свете, потому что он сатана! И сила у него сатанинская! А мало ли как собираются использовать его новые власти? Посадят в телевизор – весь народ с ума сведет!.. Им давно интересуются самые разные службы. У многих есть на него виды. Ведь он же не больной. В нашем понятии, конечно, сумасшедший. На самом деле это не болезнь... Эх, знал бы ты, что в твоём Центре творится! Без твоего ведома.

– Что же там творится? Без моего ведома?

– Откровенно сказать, я и сам не знаю. За моей спиной в последние годы... Вот ты молодой, попробуй узнай!.. Как я Слухача мог оставить? Нет уж, сатану лучше ликвидировать, на душе спокойней.

– Как же это вы решились на такое? – после паузы спросил Гелий, будто бы переживая за старика.

– Как решился?! А так! Не забывай, что я создал и где служил. Я привык принимать самостоятельные решения. И это – Удар возмездия! Всем! За гибель страны, за будущие мытарства народа, за позор и унижение!

Глаза старика горели справедливым и совершенно праведным огнем...

Глава четвертая Золоченый кубок

1

Летом восемьдесят седьмого года в этих местах, говорят, стояла такая жара, что почти как в Средней Азии к августу скукожились и облетели листья с деревьев. Потом и осень выдалась без дождей, и оттого песчаная земля не смерзлась и теперь, в двадцатиградусный мороз, легко осыпалась и стекала в яму тонкими скользящими ручейками.

А стоять пришлось у самого края, поскольку с другой стороны гроба пристроились местный судебно-медицинский эксперт со своими чемоданчиками, начальник уголовного розыска и фотограф с аппаратурой – ему оттуда было удобнее снимать. Бурцеву казалось, что твердь из-под ног медленно уплывает в могилу, и потому постепенно отступал, вплотную прижимаясь к вынутой из ямы обшитой кумачом домовине. Так что, когда могильщики, и они же понятые, сняли крышку, он оказался у изголовья, словно близкий родственник.

По просьбе фотографа процесс эксгумации делали поэтапно, давая время для съемки. Покрывала можно было не снимать, и так видно, что головы у покойного нет, однако эксперт отвернул край дешевенькой белой ткани с нашитым черным крестом, и Бурцев непроизвольно отшатнулся, чуть не свалившись в яму, удержал могильщик, ловко зацепив за воротник жесткой, костлявой пятерней.

– Спасибо, – сказал Сергей, освобождаясь от хватки руки.

Без особых исследований можно было заключить, что голова худенького, углого и почти невесомого старичка не отрублена, а аккуратно отрезана опытной хирургической рукой по первый шейный позвонок: нож даже не коснулся межпозвонкового диска. А на подушечке остались неглубокая круглая вмятина и церковный венчик, изорванный и скомканный в шарик.

– Ну вот, что я говорил? – победоносно заключил могильщик, удержавший Бурцева, и посмотрел на начальника местной уголовки. – Я когда сам заглянул, аж тошно стало.

– Не мешай работать, – буркнул тот, обрывая с усов белые сосульки.

Эксперт дождался, когда закончится съемка, и снял с покойного покрывало, сунул его могильщику. Сергею бросились в глаза тонкие синеватые ручки старичка, сжимающие молитву-грамотку, как-то очень уж небрежно всунутую в кулачок, однако в следующий миг он заметил на правом указательном пальце большой литой перстень с крупным зеленым камнем. Фотограф понял его желание, отдельным кадром снял руки, и после того Бурцев осторожно освободил палец от перстня.

Несомненно, это была старинная ювелирная работа талантливого мастера. Искусно ограненный изумруд удерживался тончайшими витыми лепестками, незаметно врастающими в основание перстня, и, просвеченный солнцем, камень зеленил желтый металл, заставляя светиться и его.

– Ого! – сказал могильщик, дыхнув в затылок перегаром. – Вася, гляди-ка, ничего себе прикид у жмурика! Гляди, гляди! Мать моя женщина!..

Второй могильщик полез было на сторону Бурцева, но тот спрятал перстень в пластиковый пакетик и убрал в карман. «Прикид» действительно был не по одежке: покойного обрядили почему-то в поношенные солдатские брюки, гимнастерку и опоясали обыкновенным брючным ремнем. Разве что хромовые сапоги новые, блестящие, не знавшие дорожной пыли. А перстень надели никак не по солдатскому чину...

Бурцев так же осторожно извлек из кулачка грамотку и попросил фотографа сделать еще один крупный план. На зеленоватой бумажке поверх печатного текста молитвы ярким желтым фломастером была начертана какая-то надпись, сделанная совершенно непонятными знаками. Причем было впечатление, что писавший и сам не понимал смысла и назначения этих букв, а скорее всего, перерисовал довольно длинную строку, как это делают дети, осваивающие письмо.

Он неплохо знал немецкий, кое-как понимал английский и, естественно, не владел большими познаниями в области графических знаков, шифров и символов, так что из всего текста прочитал лишь несколько греческих букв. Остальное выглядело как филькина грамота, однако чем-то неприятным отдавало от нее, будто держал в руках нечто грязное и мерзкое. И не потому, что эта бумажка была взята из гроба, из желто-восковых тощих рук мертвеца, эти руки-то как раз не вызывали отрицательных эмоций. Трудно было сказать с налета, кто оставил эту надпись и в какое время. Но самое главное – с какой целью, для кого? Как молитву, в виде символа или с расчетом на последующую эксгумацию и следствие?

От этих мыслей отвлек замерзший и посиневший от холода начальник местного уголовного розыска.

– Интересно, голову взяли и не ограбили, – недовольно пробурчал он над ухом, незаметно для Бурцева перебравшись к краю ямы. – Я такого еще не встречал.

– Я тоже, – обронил Сергей, убирая грамотку в пакет. – Ничего больше не трогать. Гроб закрыть, опечатать и в холодильник морга под замок. Выставить охрану.

– Понял. – Начальник махнул рукой милиционерам, стоящим у машины. – А могилу что, так и оставить?

– Могилу зарыть, поставить надгробие. Все как положено, чтобы не привлекать внимания. Распорядись.

Он отошел наконец от ямы и сразу же почувствовал облегчение. Кладбище было при действующей церкви, никогда не закрывавшейся, и, судя по тесноте, хоронили здесь редко, в исключительных случаях – в основном близких родственников давно усопших и у самых стен храма – преставившихся священников. Черно-мраморные старинные надгробия-часовенки высились среди толстенных стволов таких же старых лип, на вершинах которых ближе к вечеру рассаживалось крикливое воронье.

Белый храм стоял поодаль, и его зеленоватые купола напоминали изумруды...

Теперь каждый храм напоминал Бурцеву, как ни странно, жену Наденьку, поскольку перед самым отъездом в эту командировку она целый вечер уговаривала его пойти в церковь и обвенчаться, мол, теперь позволили это делать и никаких препятствий либо вопросов на службе не будет. И приводила примеры, называла какие-то имена знакомых супружеских пар, которые, будучи в партии и на ответственных государственных постах, в открытую совершили обряд венчания и теперь живут в мире и согласии, лучше прежнего.

А их действительно в последнее время мир никак не брал, поскольку Наденька стала его начальницей и скоро получила свое прозвище – Фемида. И, устав от уговоров, попыталась свести его в церковь чуть ли не в приказном порядке. В результате они рассорились, и Сергей с удовольствием уехал в эту командировку, кстати выправленную опять же по воле жены.

Интересно, что это такое – венчание? Обряд или все-таки есть таинство, если подруги Наденьки живут в согласии и мире?

Если бы не храм и не этот древний парк, кладбище давно бы снесли, поскольку город плотно зажимал его с трех сторон и теснил к реке.

Значит, все-таки он что-то спасает?..

Пока начальник местной уголовки выполнял распоряжения, Бурцев бродил по тесным проходам между оградок и читал надписи – в основном покоились здесь купцы, почетные граждане города, статские советники, коллежские асессоры и прочие чиновники. Словом, про-

винциальная знать... Конец двадцатого века был отмечен буквально несколькими могилами, последняя годичной давности. А вот военные годы – довольно густо, причем могилы стояли шпалерами, с одинаковыми стальными тумбами, увенчанными звездами: в городке был госпиталь для раненых.

С чего это вдруг похоронили здесь этого старичка? Причем под старинным надгробием, а значит, и под чужим именем. На лицевой стороне значилось: «Здесь покоится прахъ Харламова Алексея Никифоровича. Родился 30 июля 1904 года, умер 2 марта 1917 года. Жизни было 12 лет, 7 месяцев и 2 дня».

На обратной стороне, в мраморном картуше, была не совсем понятная эпитафия: «Пчела, познавши Матку, вскормила Матку из пчелы».

Подобных неясных эпитафий на старых камнях тут было предостаточно, но чаще всего они вещали библейские истины или это были строчки каких-то стихов.

То, что странная могила разрыта на девятый день после похорон, обнаружили случайно. Находилась она в глубине кладбища, в неприметном и в зимнее время почти непроходимом из-за снега месте, в общем, не на глазах. Священник из этой церкви, отец Владимир, довольно молодой человек, заметил свежие следы между оград и пошел посмотреть, не подростки ли это снова забрались на кладбище – а такое случалось нередко, – но, к своему изумлению, увидел старосту прихода Елизарова, который торопливо закапывал разрытую могилу. Дело было после вечерней службы, где-то в одиннадцатом часу вечера, и священник откровенно испугался, закричал, чем и спугнул старосту. Елизаров побежал и скрылся за кладбищенской оградой. Тогда отец Владимир, прочитав молитвы и укрепившись духом, позвонил настоятелю храма, который велел ничего не предпринимать до утра и остаться в церкви.

Наутро настоятель сам обследовал могилу и увидел гроб, лишь слегка забросанный песком и снегом. Неслыханно – гробов пока еще не выкапывали, хотя не раз ломали и воровали старинные надгробия, к тому же замешан тут был староста. Чтобы не выносить сора из избы, настоятель послал за ним на квартиру – староста жил одиноко в маленькой коммуналке, – но выяснилось, что Елизаров не ночевал дома и никто из соседей его не видел. И все-таки решено было не поднимать шума, могилу зарыть, для чего настоятель пригласил знакомых могильщиков, пообещав заплатить за работу: самим священнослужителям делать это строго запрещено, а просить прихожан – станет известно всему городу. Настоятель опасался, что слухи обострят интерес вынужденных бездельников к старым богатым захоронениям и с весной начнутся повольные раскопки.

Старый купеческий город Зубцовск умирал от нищеты, безработицы и беспросветности будущего. Единственное место окормления – оборонный завод, выпускавший узлы и агрегаты к боевым самолетам, сначала переориентировался на изготовление бытовой техники, а потом и вовсе вылетел в трубу...

Настоятель храма тоже не знал, кого и когда погребли под этим камнем, считая могилу старой, однако когда могильщики стали поправлять гроб – стоял косо, сваливаясь набок, – обнаружилось, что он совсем новенький. К тому же оказался незаколотенным, и от неосторожного движения с него свалилась крышка.

Только тут обнаружилось, что у покойника нет головы...

Прибывшие на кладбище следователь и судмедэксперт осмотрели тело покойного, заметили странный, «хирургический» способ отсекновения головы и, ничего более не трогая, выставили круглосуточную негласную охрану, напоминавшую засаду. Кроме всего, выяснилось, что, по всем данным, этой могилы здесь никогда не было, никто не давал разрешения на похороны и никто не видел, как хоронили. Естественно, сообщили в Генеральную прокуратуру: происшествие было редкостным даже для наших беспредельных дней.

К моменту приезда старшего следователя по особо важным делам Бурцева в засаду на кладбище никто не попался, зато местная уголовка, по оперативным данным, разыскала и

задержала старосту прихода Елизарова. Этого гробокопателя обнаружили в обжиговой печи недавно заброшенного кирпичного завода. Староста все это время простоял на коленях в молитвах, упершись лбом в каменную стену, как великий грешник. У него были обморожены руки и ноги, помутился рассудок, так что отправили задержанного в тюремную больницу. Там он кое-как пришел в себя, однако, кроме молитв и раскаяний, ничего произнести не мог. Головы покойного при нем обнаружено не было. И тщательный обыск печи, а также прилегающей территории – весь снег перекопали в округе – ничего не дал.

Елизаров появился в Зубцовске несколько месяцев назад и по рекомендательному письму владыки был принят на работу старостой, но без платы за труд, поскольку это являлось монастырским послушанием: будто бы он готовился к пострижению, но по причине упадка монастырей и невероятной тесноты в них был отправлен проходить подготовительный срок при церкви, где есть черный, монашествующий священник. Настоятель храма был доволен его работой, и за время пребывания в послушании ничего предосудительного за ним не замечалось, поэтому никто из священников и мысли не допускал подозревать его в гробокопательстве. Считали, что вышло какое-то недоразумение и что нужно непременно восстановить справедливость.

Закончив с эксгумацией, Бурцев направил запрос собственной жене, чтобы прислала эксперта, и отправился в тюремную больницу. Сначала Елизаров показался ему невменяемым – тяжелый, мутный, неуправляемый взгляд, заторможенная реакция, бегущая с губ слюна, но Сергей сразу же интуитивно определил, что этот человек не смог бы раскопать могилу, тем более отрезать голову. Он не походил на расчетливого хирурга, как, впрочем, и на сатаниста – такую версию выдвинула Генеральная прокуратура. Слишком слаб был, если бежал с места преступления от испуганного крика отца Владимира: настоящий гробокопатель и служитель дьявола с удовольствием отправил бы в могилу и священника.

Елизаров никак не мог понять, кто перед ним, и потому, забившись в угол, смотрел куда-то мимо, часто крестился и отмахивался как от чумы.

– Уйди от меня! Уйди! Ничего не скажу. Знаю вас, влезете в душу, а потом пойдет писать губерния.

Похоже, местные оперативники перестарались, подсаживая к нему агентов-камерников, теперь он никому не верил и никого не подпускал. И когда наконец Сергей объяснил, что он не враг ему и не подсадной, а официальное лицо, представитель Генпрокуратуры, и что приехал из Москвы специально разобраться с раскопкой неизвестной могилы на старом кладбище, староста вроде бы обрадовался, прочитал удостоверение, утер слюнявый рот. Взгляд стал осмысленным, хотя по-прежнему страстным.

– Помилуй, Господи! Не наша это могила! Чужая!

– Разве так бывает – на кладбище чужая могила?

Он опустил глаза, и плечи обвисли.

– Нынче всякое бывает, время такое...

– Потому и раскопал, что чужая? – спросил Бурцев, отыскивая в кармане кнопку включения диктофона.

– Я не раскапывал! Бог свидетель!

– Что же ты делал? Отец Владимир утверждает обратное.

– Нет-нет, он не разглядел в темноте! Я закапывал. Наоборот, закапывал!

– Кто же ее раскопал?

– Не знаю! Вот крест!.. Был девятый день после похорон, я пошел помянуть покойного, помолиться... Смотрю, а она раскопана и гроб стоит!

– Что же ты не сказал настоятелю? Не позвал людей?

– Испугался...

– Неужели покойников не видел, гробов? Не девица же – взрослый и зрелый мужчина, тем более староста прихода и готовишься в монахи...

– Я покойников не боюсь. Испугался, что узнают...

– О чем?

Елизаров сел на постели, обхватил голову руками.

– Есть грех... Которого всю жизнь стану бояться... Не замолить до конца дней.

– Что же ты такого сделал? – миролюбиво спросил Бурцев.

– Корыстолюбие... Как на духу! Деньги с людей взял, не в церковную кассу пошли – себе в карман. Тысяча долларов... Не удержался! Я про такие деньги и думать не мог... Вот они теперь и жгут мою душу!

– Деньги-то за место на кладбище?

– Бес меня попутал, кругом же нынче мздоимство, куда ни глянь.

– Кто же тебе заплатил?

– Не знаю... Поздно вечером люди приехали, я выручку считал, деньги в руках держал.

А что там выручка – свечи продавали, гроши старушечьи. Ну, что их считать, зачем?.. Бросить бы так, без счета. Нет, настоятель наш говорит, до последней копейки... Только душу смущать. Вот меня дьявол и вверг в искушение. Они говорят, издалека покойного привезли, долго ехали. Мол, покойный-то завещал на этом кладбище схоронить, а места не дают городские власти. Так если ты православный, позволь нам исполнить последнюю волю умершего – святой был человек. Я им говорю, запрещено тут хоронить, а один деньги достал и мне так вот... в руку вложил. Я еще не соглашался, могилу-то копать некому, да и ночью нельзя хоронить, православные же... Этот мне еще пачку денег положил. Сказал, сами ямку выкопаем, сами похороним и могилку снегом присыплем, все следы заметем, никто и не заметит. Только ты помалкивай, весной все травой зарастет...

Он не врал, не придумывал – слишком велико было раскаяние, и умалишенным не прикидывался...

– А сказали, кого привезли хоронить?

Елизаров вскинул больные слезливые глаза.

– Да ведь когда столько дали – повернется ли язык? Прости, Господи!.. Они и правда сами могилку выкопали. Шесть человек было на двух легковых машинах, а земля нынче сухая, так почти и не замерзла... Инструмент свой был, и даже памятник этот привезли в прицепе. Гроб не открывали, так я ничего и не видел, кто там... Но документы о смерти показали, чтоб я не подумал чего. И фамилия там была та, что на камне написана... И так хорошо следы присыпали, не подумаешь. Говорят, если ты весной поправишь могилку, дерном обложишь, так еще денег получишь. А я уж вроде бы каяться начал, но коготок увяз...

– Похоронили и уехали?

– Сразу же... Машина забуксовала в снегу, так я еще вытолкнуть помог.

– Кто же снова раскопал?

Староста вскочил, пробежал по палате, стуча босыми пятками иссиня-красных, покрытых волдырями обмороженных ног, в отчаянии замычал, словно от зубной боли:

– Ей-богу, не знаю! Но только не я!.. Накануне ни следочка, а на девятый день выхожу – следы, и прямо к этой могиле идут. Я так и обмер! Думаю, отцы наши заметили. Нет, подкрался – раскопано и гроб видать. Я сбегал за лопатой, думал, успею зарыть, пока служба идет...

– Гроб не открывал?

– Да упаси бог!.. Закидать хотел... А тут батюшка наш закричал.

Бурцев выключил диктофон, пошел было к порогу, остановился, отер лицо, вспоминая, что еще хотел спросить...

– Деньги? Куда ты спрятал деньги? Доллары?

Староста сел на пол возле стены и неожиданно улыбнулся:

– Съел. Я деньги съел. Мне голос был, когда молился. Подавись деньгами! Съешь и подавись!.. А я съел и не подавился. Только мутит теперь...

2

Старосту временно оставили под присмотром охраны и врачей, хотя его можно было выпускать на все четыре стороны. Жена-начальница расстаралась – и через сутки приехал квалифицированный судмедэксперт, досконально обследовал останки, сделал необходимые анализы и ничего вразумительного не сообщил. Точнее, не нашел ничего такого, что бы подсказало, кто этот старичок, откуда его привезли и почему после смерти лишили головы. Определил примерный возраст – 85–90 лет, рост при жизни – 174 сантиметра, некоторые болезни, которыми страдал покойный, в общем-то обычные для таких лет, а за неимением головы установить причину смерти оказалось невозможно.

Однако это сейчас было не важно.

Судя по мошеобразным останкам, старец этот скорее всего умер от старости, и люди, что привезли его и похоронили здесь, к отсековению головы не имели никакого отношения. Да, любопытно все, есть полное ощущение, что покойного спрятали на этом кладбище, а гробкопатель вскрыл могилу на девятый день. Местная уголовка и оперативники из спецслужб проработали десяток версий, проверили большое количество автомобилей, всех умерших в области приблизительно в это время и подходящего возраста, и все впустую. Широкий захват поискового невода тут не годился. Подобные странные преступления обычно раскрывались в кабинетах или случайно.

Единственное, чем помог судмедэксперт, так это не колеблясь заявил: голова отчленена от тела по всем правилам ритуала, принятого в древности у некоторых народов, а ныне – в сатанинских сектах. Это уже была серьезная заявка, если учесть, что могилу не ограбили и оставили автограф, начертанный на молитве-грамотке.

И был еще один путь, позволявший хоть как-нибудь приблизиться к истине: старинное надгробие, установленное на могиле старца. Бурцев еще на кладбище заметил временное различие в надписях на камне, что и подтвердил эксперт – научный сотрудник музея. Да, точенный из черного мрамора обелиск в виде часовенки был когда-то установлен на могиле рано умершего Харламова Алексея Никифоровича, но эпитафию высекли недавно, причем сделали довольно удачную попытку состарить надпись.

«Пчела, познавши Матку, вскормила Матку из пчелы» – это было слишком уж мудрено для умершего двенадцатилетнего мальчика. А вот для старца в самый раз! Если расшифровать эту загадку, можно получить представление о покойнике, обезглавленном после смерти.

Словом, оставаться в Зубцовске не имело смысла, и Бурцев выехал в Москву.

Всю дорогу в поезде, почти сутки, он мысленно повторял эпитафию и автограф гробкопателя. Эти неясные формулы зацепились друг за друга, и чем больше он думал, тем реальнее ощущал, как из-под ног уходит твердь и надо все время отступать, чтобы не свалиться в яму. Тогда он еще не понимал, к чему прикоснулся, какая бездна может разверзнуться, если открыть суть этих формул; он пока лишь чувствовал дыхание некоего единоборства, незримый смертельный поединок, происходящий между реальным и параллельным мирами.

Но чувства к делу не пришьешь, поэтому доклад о командировке в Зубцовск Фемида встретила без всякого оптимизма. Полная бесперспективность была налицо, хотя Генпрокуратуру тревожили несколько «темных» уголовных дел, где четко прослеживалась ритуальность убийств.

Фемида отвесила Бурцеву неделю срока, чтобы завершить последние экспертизы, после чего приказала передать дело в местную прокуратуру, оставив себе лишь контрольные функции. Это значило, что руководству не выгодна высокая концентрация таинственных, необъяснимых преступлений и потому проводится обыкновенная «размывка аномалии».

И за эту неделю Сергей успел многое. Ювелирная экспертиза перстня оказалась самой легкой и неожиданной: специалисты «узнали» его буквально через несколько минут и ошарашили своими выводами. Покойный старец, обряженный в выцветшую солдатскую гимнастерку, на указательном пальце носил целое состояние, достойное Алмазного фонда. Перстень оказался редкой индийской работы семнадцатого века, и последним его хозяином, если не считать обезглавленного покойника, являлся – Бурцев вначале отказывался верить! – Александр Сергеевич Пушкин, купивший его когда-то у англичанина, приезжавшего в Россию. Эта информация относилась к сенсациям, так что пришлось у экспертов брать подписку о неразглашении.

Личность вещей устанавливалась куда проще, чем личность человека...

С графической экспертизой автографа возникли проблемы: ксерокопию грамотки с молитвой и надписью фломастером Бурцев отослал двум ученым мужам, но ни тот ни другой не смогли прочесть этой филькиной грамоты. Один вынес вердикт, что это графическая абракадабра – кто-то пытался расписать засохший фломастер, другого осенила догадка, что это некие древние и неудачно перерисованные письма, которые прочесть не представляется возможным. Тогда Сергей сделал еще две копии и отослал в МГУ. И время от времени звонил потом на самые разные кафедры, чтобы найти концы, кому из специалистов отдали на дешифровку эти тексты, но так ничего и не добился.

А вот с эпитафией филологи вообще напустили такого тумана, что еще больше ввели в заблуждение. По мнению профессоров, работавших независимо друг от друга, надпись на камне – это соединение двух равных логических величин, созданных по аналогии с древней истиной: великое уместится в малом и малое в великом. Бурцев вовремя спохватился, поняв, что истину следует искать не у людей с вывихнутыми мозгами, а у обыкновенных пчеловодов. Поехал куда поближе – на пасеку сельхозакадемии...

Тимирязевский профессор с подходящей фамилией Медведев напоминал сельского мужика, причем откровенно пьяного – красный нос, кирзовые сапоги, фуфаячка и шатающаяся походка. Он осмотрел Бурцева с головы до ног, в удостоверение даже не глянул и как-то по-свойски махнул рукой, дескать, айда за мной. Они вошли в подсобное помещение, где пахло медом, воском и царил невероятная нищета, на что профессор тут же начал жаловаться, мол-де, полный упадок материальной базы, пасека пропадает, подкармливать пчел зимой нет сахара, обрабатывать от клеща-паразита нечем, оборудование вконец обветшало, скоро рухнет омшаник и похоронит заживо остатки пчелиных семей.

– Вот, полюбуйте! – Он показал чугунную ступку с каким-то серым невзрачным порошком. – Посмотрите, чем вынужден заниматься профессор Медведев! Какой позор!

– А что это? – спросил Бурцев, раздумывая, стоит начинать с ним разговор или нет.

– Это подмор, мертвые пчелы. – Профессор пьяно повел взглядом. – Снадобье делаю. Растираю, потом заливаю спиртом... техническим спиртом! И ввожу жировую основу... Впрочем, технология – это не важно. Главное, есть результат, от радикулита, остеохондроза... Прокуратура не страдает тугоподвижностью суставов? А то рекомендую!

– Спасибо, – буркнул Сергей. – Пожалуй, я не ко времени, пойду.

– Нет, к самому времени! – Медведев поставил пустой улей набок. – Прошу садиться. Когда еще увидите и прочувствуете гибель блестящей отечественной науки?

– Извините, я пришел по другому поводу.

– А собственно, по какому? Готов выслушать! Когда еще встретишься с блюстителем закона и стражником государственных интересов?... Так что же привело вас к профессору Медведеву?

– Рассчитывал узнать кое-что из жизни насекомых, – неопределенно признался Бурцев.

– Тогда не по адресу, – определенно заявил профессор. – Я насекомыми не занимаюсь.

– Как же пчелы?

– Так, объясняю для непосвященных и дураков. – Медведев взял пригоршню сухих мертвых пчел из корзины, пересыпал из руки в руку, как песок. – Пчелы – не насекомые. Уяснили? К классу насекомых относятся – записывайте! – тараканы, комары, вши, клопы и прочая нечисть. Кто пьет кровь, собирает объедки, живет в щелях, в навозе – словом, как человек, ведет паразитический образ жизни. И потому выживает. Я вот сегодня хватил стакан технического спирта – и хоть бы что! А пчелы гибнут... даже от загрязненного воздуха. Запишите: пчела есть единственная тонкая материя, существующая в реальном мире как факт, не требующий доказательств. То бишь подвластная нашему примитивному зрению, слуху, обонянию и осязанию. Пчела – это осуществленный эфир. Записали?

– Запомнил, – усмехнулся Бурцев.

– Едем дальше. Пчела – это живая клетка разумного и, естественно, мыслящего существа, называемого Пчелиная Семья. Живая, мобильная, полностью автономная и полностью зависимая от общего организма клетка. Особая форма существования разумной живой и тонкой материи. Записали?

– Я запомнил!

– Да ничего вы не запомнили, – отмахнулся Медведев и, демонстративно засыпав подмор в ступку, принялся толочь. – Считаете же, что профессор пьян и молотит чепуху. Верно?

Бурцев подал ему бумажку с эпитафией.

– Мне необходимо понять, что все это значит. В прямом и переносном смысле.

– Пчела, познавши Матку, вскормила Матку из пчелы, – вслух прочитал Медведев. – Это откуда?

– Начертано на могильном камне.

Медведев отставил ступку, заинтересованно хмыкнул:

– А выпить не хотите? За упокой души? Правда, спирт технический...

– Не хочу.

– Жаль... Непростой был человек, весьма непростой... За него и выпить не грех. – Профессор вздохнул. – По крайней мере не вошь, не насекомое... Ну-ка, повторите мою последнюю фразу?

– Извините, я не студент сельхозакадемии. Не надо экзаменовывать.

– Это не экзамен. Вы же пришли расшифровать эпитафию. Вот я и расшифровываю. Итак, что прозвучало в последней моей фразе?

– Вы сказали: Пчелиная Семья – это особая форма разумной материи.

– Ну, примерно так, форма разумной, живой и тонкой материи.

– Хотите сказать, разум не одинок на Земле?

– Разумеется, не одинок. Но человек очень самоуверен, тщеславен и потому глуп и слеп, а все эти качества – признак низкой ступени развития, тогда как эволюция сознания Пчелиной Семьи давно завершилась.

– Любопытная теория, – осторожно заметил Бурцев. – А нет ли здесь... некоторой идеализации?

Медведев загадочно и снисходительно усмехнулся, готовый ответить на любой вопрос непосвященного.

– Хорошо. Вот несколько примеров. Но даю в виде экспресс-информации. А вы потом на досуге подумайте... Итак, слабая семья, не способная обеспечить себя на зиму, начинает воровать мед у запасливых и сильных соседей. Да, в этом случае все как у людей. Соседи выставляют охрану – десяток пчел весь световой день дежурят на прилетной доске возле входа в улей и прогоняют, а то и убивают ворье. Сильная Пчелиная Семья состоит примерно из ста тысяч клеток, это не считая матку и трутней. В разгар медосбора рабочая пчела изнашивается за шесть недель, то есть отмирание и зарождение новых клеток происходит стремительно. С точки зрения человеческих понятий пчела-охранница не способна познакомиться лично с

каждой пчелой, знать ее в лицо, а равно определить по запаху или внешнему виду. Вы как следователь имеете представление о подобных вопросах. Или тогда в каждой клетке встроен компьютер. Иначе как она может опознать своих и чужих? А может! Если это единый живой организм. Если у вас, допустим, в волосах или одежде появятся насекомые, чужеродные организмы, почувствуете тотчас же, верно?

– Замечательный пример, – похвалил Бурцев. – Никогда не задумывался...

– Человеческая гордыня! Не зря Господь определил ее как тяжкий грех. Мы одни умные на Земле! Одни разумные во Вселенной! – Профессор мгновенно переменил тон. – О том, кто идеально вписывается в окружающую среду, чья жизнь экологичнее, так сказать, царя природы или какой-то колонии насекомых, я опускаю. Думаю, вам понятно. Идем дальше. Пример, касаемый вашей темы. Представьте себе, в Пчелиной Семье погибает матка. Нет, она не королева, не царица и даже не хозяйка в улье; она тоже клетка, только с другими функциями, а значит, и с другим физиологическим устройством. Она хранительница будущего Семьи, детородный орган в прямом и переносном смысле. На матке замкнуто существование целостности этого разумного существа. Это закон коллективного разума, его критическая точка. И вот погибла! А наследника нет. Представьте себе, ваши клетки больше не восстанавливаются, а старые стремительно гибнут. Вы обречены на скорую и неминуемую смерть. У этих, как вы изволили выразиться, насекомых ничего подобного не происходит и не может произойти. С точки зрения человека, в улье происходит чудо: пчелы расширяют ячейку, куда матка еще при жизни посеяла личинку обыкновенной клетки-пчелы, и выкармливают новую матку. То есть создают физиологически иную клетку, вкладывая в нее то, чего не имеют сами. На человеческом языке это называется «способность к самовозрождению». Чувствуете, как мы близко подошли к теме вечности, вечной жизни?

– Насколько я понял, не каждая пчела может выкормить матку? – удачно вставил Бурцев и даже погордился за себя. Этот пьяный профессор начинал ему нравиться.

И профессор обрадовался смышленому ученику, картинно поднял палец:

– Вот об этом и написали в эпитафии, посвященной смыслу жизни вашего усопшего. Выкормить матку способны лишь те пчелы, которые состояли в ее свите и получили некий фермент, носитель маточной генной структуры. А скажу вам по секрету, в свите состоят многие, очень многие...

– Значит, все дело в ферментах?

– В закваске! Есть закваска – можно горы свернуть.

– Теперь у меня полное ощущение, что эпитафию написали вы! – засмеялся Бурцев. – Я вас поймал!

– Поймать меня можно только на одном, – серьезно сказал Медведев и показал на ступку. – Без всякой лицензии и одобрения Минздрава готовлю лекарства из подмора по собственному рецепту и незаконно сбываю на рынке. По выходным. И знаете, довольно прибыльный бизнес. Главное, сырья в избытке теперь. Это Генеральную прокуратуру не интересует?

– Не по адресу, – отпарировал Сергей. – Я этими вопросами не занимаюсь.

– Ах да, у меня есть оправдание: на вырученные деньги я покупал сахар у спекулянтов и подкармливал пасеку. Это мне зачтется? – Язвительный тон профессора обескураживал. – И еще одно дополнение: я добровольно прекратил незаконную деятельность. Больше никогда не буду, могу присягнуть.

– Что с вами, профессор?

– Со мной – ничего! Видите, жив, здоров, весел. И пьян. Что еще нужно человеку? Правда, сегодня состоятся похороны. Но это же прокуратуру не интересует?

– У вас кто-то умер? – осторожно спросил Бурцев.

– Да, последняя Пчелиная Семья. – Он достал из шкафчика бутылку с чем-то золотистым. – И не спас ее даже совершенный коллективный разум... Давайте за помин этой кол-

лективной души? Не бойтесь, пейте! Если не умер профессор Медведев, прокурор и вовсе не умрет...

Он налил в стаканы по рубчик, один протянул Бурцеву. Сергей понюхал напиток, но не уловил никакого запаха... Медведев торжественно поднял стакан:

– Чокаться не будем... Ну что, царство им небесное?

Бурцев выпил до дна и лишь после этого ощутил холодный, захватывающий дыхание спирт, вероятно разбавленный прополисом. Профессор подал ему заскорузлый кусок хлеба.

– Если не секрет, то чем же вы занимаетесь? – спросил он. – Надгробным творчеством?

– Под камнем с этой эпитафией похоронили неизвестного старца, – смаргивая слезы, просипел Сергей – спирт, разведенный медом, перехватывал дыхание. – А кто-то вскрыл могилу и отчленил у него голову.

В интересах следствия говорить об этом он не имел права, но сейчас выпитый поминальный спирт вдруг загорелся не в желудке, а в душе. Профессор, замкнутый на своем горе, на него пьяненько поморгал и после этого неожиданно дал понять, что умеет быть не только язвительным, но и благородным. А возможно, и утешить хотел, поскольку символично похлопал по плечу, мол, держись, парень, и достал из стола рукопись в самодельном переплете.

– Это моя монографии. Пока не опубликована, боюсь отдавать, да и денег нет. Сейчас все за деньги... Так что даю с условием полной секретности. Иначе украдут, сами знаете. Если сейчас головы у мертвецов воруют, то завладеть чужими мозгами – почти святое дело... Только храните в сейфе и обязательно верните.

– Спасибо, но, думаю, монография мне ни к чему, – откровенно признался Бурцев. – Не будет времени вникать в такие тонкие материи... так вы их называете?

– Да-да, – поскущел Медведев. – Тонкие материи не для толстых умов. Не обижайтесь, пожалуйста, но так ничего не поймете в жизни. А тем более в деле с этим вашим старцем. Тут не просто эпитафия, не просто покойнику голову отрезали... Да провались оно все! Давайте еще по соточке, а?.. Запомните: пчел никто не может приручить. Для них нет понятия неволи. Они всегда остаются дикими и вольными. Чем очень похожи на нас, на русских. Только вот не хватает у нас закваски, чтобы матку выкормить. Дрожжей много, а закваски не хватает...

3

А голова между тем отыскалась без всяких монографий и тонких материй...

В Шереметьевском аэропорту, проверяя багаж арабского гражданина Марджана, улетающего в Саудовскую Аравию, таможенники обратили внимание на чемодан с сувенирной посудой, выпускаемой российскими предприятиями. Частенько под видом современного стекла и керамики вывозились предметы старины и антиквариат, слегка подкрашенный и снабженный фабричными ярлыками. Тут же их заинтересовала огромная пивная кружка, выполненная из пластмассы в виде человеческого черепа. Предприимчивые производители сувениров не особенно-то думали о вкусах и эстетике русского рынка, поэтому гнали все, что покупается. Тут же бывалого мытника смутили вес кружки и толщина стенок, и прибор показал наличие сверхпроводимого металла, то есть золота. Марджана сняли с рейса, посадили в комнату задержанных, а тем временем специалист таможни осторожно снял кусок пластмассы, под которой обнаружился фрагмент настоящего человеческого черепа, окованного золотом. Вначале решили, что вещь эта похищена из музея или незаконно раскопанного кургана, однако после экспертизы было установлено, что череп вовсе не ископаемый, а вполне свежий, только обработан по специальной технологии. И золото добыто всего два года назад на одном из приисков Алдана...

Короче говоря, кто-то наладил выпуск сувениров из черепов. Можно было предположить, что голодные студенты-медики воруют черепа в моргах, куда свозят тела умерших бродяг для учебного процесса, а потом продают их предпринимателям, можно было заподозрить в жутком кощунстве работников кладбищ, но это сейчас было делом третьестепенным. Когда сообщение о странном сувенире из России попало на стол к Бурцеву, а потом и сам этот страшный кубок с рубиновыми глазами и золотыми зубами, возникло полное ощущение, что он снова стоит на краю могилы и земля медленно сочится из-под ног...

Можно было не идентифицировать эти останки, не нагружать медиков и химиков лишней работой, выясняя, чьему телу принадлежит этот череп, поскольку на лобной кости была в точности воспроизведена та же надпись невразумительными знаками, что и на грамотке, только уже не желтым фломастером, а таким же металлом.

И лишь соблюдая формальность, Бурцев отправил чашу на экспертизу, которая подтвердила его выводы и еще более усугубила положение. Дело о надругательстве над могилой и мертвым телом неизвестного старца, похороненного в Зубцовске, нельзя было перевести в более серьезный разряд, ибо в писаных законах не существовало статьи об исполнении сатанинских, магических ритуалов с использованием человеческой плоти. И поэтому оно осталось в ведении местной прокуратуры как рядовое, социально не опасное – что-то вроде обыкновенного хулиганства...

Единственное, что удалось Бурцеву, – это не без помощи Фемиды оставить в Москве чашу из черепа безвестного старца, оформив ее как экспонат музея криминалистики...

4

Из черепа неизвестного старца сделали золоченый кубок – от этого веяло такой древностью, временами варварских обычаев и ритуалов, что разум противился и не хотелось верить в реальность происходящего. Но сосуд, окованный желтым металлом, стоял перед Бурцевым и страдальчески таращился на него огненными рубиновыми глазами, словно напоминая, что связь времен – вещь вполне обыденная и относительная.

Начальствующая жена взглянула на этот кубок всего лишь раз и замахала руками:

– Убери от меня это! Господи, какая гадость – из черепа сосуд! Ужас!

Между тем она совершенно не боялась покойников, растерзанных взрывами мертвых тел...

Приостановленному делу о надругательстве над усопшим Фемида не дала ходу и не освободила Сергея от прочих дел, в результате чего вместо венчания в храме вспыхнула новая домашняя ссора, перенесенная потом в служебные отношения. Бурцев попытался взять реванш и в обход непосредственного начальства полез наверх. Всякого, кто знакомился с обстоятельствами событий в Зубцовске, охватывало чувство брезгливости, ужаса и ошеломления, ибо все это отдавало явным каннибализмом. В воздухе словно витал запах серы. Бурцеву дали по шапке за несоблюдение субординации и срочно командировали на Кавказ – можно сказать, сослали, как ссылали во все времена бунтарей.

Наденька и пальцем не пошевелила...

В бывших союзных республиках вовсю заработали мясорубки межэтнических конфликтов и войн, так что Бурцев успел лишь несколько раз допросить араба по фамилии Марджан – типичного подставного, нанятого кем-то провезти в Саудовскую Аравию набор сувениров, и установить почерк ювелира, оковавшего золотом череп. Им оказался тульский мастер, можно сказать, безработный Левша, за небольшие деньги взявшийся инкрустировать человеческие останки. Он ничего не скрывал и даже не таился, когда работал, совершенно не задумываясь, откуда взялся череп, а мало ли какие прихоти бывают у вчерашних нищих и сегодня разбогатевших людей? Пришел человек, принес материалы, половину заплатил вперед и дал очень короткий срок, оговорив сумму премии за скорость. Так что пришлось трудиться днем и ночью, тайно от заказчика привлекая к этому делу других мастеров: слишком долго и нудно было выстригать из сусального золота непонятные буковки для надписи на лобной кости – поистине ювелирная работа. Сувенир получился замечательный, так что заказчик остался доволен, а это самое главное для настоящего инкрустатора. Что потом с ним было, куда его повезут, мастера не интересовало, но он с удовольствием согласился опознать этого человека, если ему покажут, и два часа подсказывал художнику, когда тот составлял фоторобот.

Курьер Марджан наверняка знал больше, и его следовало бы пустить в оперативную разработку, но тут и начались командировки на Кавказ. И три года пролетели как один день, заставив Бурцева забыть о могиле старца в Зубцовске и о его голове, поскольку впереди маячили горы черепов, как на знаменитом полотне Верещагина.

Политики уже давно расписались в собственном бессилии, перестали даже латать дыры, хотя какие-то высокопоставленные чины, сбившись в пугливые команды, под прикрытием спецназа еще гоняли специальные рейсы в Степанакерт будто бы налаживать переговорный процесс с враждующими сторонами и, отсидев какой-то срок в горных санаториях, улетали назад, однако Генеральная прокуратура еще пыталась обуздать расплзающуюся войну, и бригады следователей по особо важным делам металась по всему Карабаху, возбуждая десятки уголовных дел по фактам убийств азербайджанцами армян и, наоборот, за незаконное хранение оружия, захват госсобственности, чужого жилья и так далее. Но уже было ясно, что пожар

ничем не сдержать, ибо сюда, в горную область, был заброшен теми же политиками тлеющий уголь междоусобицы, раздуваемый всеми сторонами конфликта.

Сергей Бурцев выбирался из своей третьей командировки в Карабах, когда уже наметилась линия фронта и в ход пошли артиллерия и танки. Последнее уголовное дело, возбужденное им, изначально было проигрышным: потоки краденного со складов оружия уже нельзя было ни остановить, ни хотя бы проконтролировать, над всем этим хаосом довлела чья-то жесткая злая воля. Местные органы власти отказывались от помощи и сотрудничества, мало того, постоянно намекали, что пора бы возвращаться в Москву. И наконец в местную прокуратуру, где размещались следователи, пришли трое: некто в белой чалме и маске и с ним пара вооруженных небритых людей, больше похожих на сельских механизаторов, чем на боевиков. Один наставил ручной пулемет, а этот, в чалме, объявил, что автомобиль для эвакуации бригады стоит внизу и что все следственные материалы следует оставить в кабинетах.

Бурцев предчувствовал такую развязку и многие данные по последнему уголовному делу забивал на компьютерные дискеты, поскольку кражи и захват оружия с армейских складов, в том числе тяжелого вооружения, бронетехники и артсистем, нельзя было объяснить простой халатностью командования воинских частей. И тут он чувствовал эту злую волю, исходящую вовсе не от человека в белой чалме и не от механизатора с пулеметом в руках, неясный пока след поднимался из этих долин, как предутренний дымок тумана в горах, и становился незримым где-то на уровне самых высоких вершин.

Около десятка таких дискет Бурцев, не мудрствуя лукаво, спрятал в чемодане под самодельным двойным дном и две наиболее важные закатал в пленку и замаскировал в начатой булке черствого хлеба – с продуктами было уже трудно, и потому ничего удивительного, что каждый, кто отправлялся в дорогу, тащил с собой домашний запас: война есть война.

Обыск следственной бригады не проводили, зато сразу же отняли табельное оружие и ключи от сейфов, а потом очень внимательно следили за сборами, чтобы не прихватили никаких бумаг. В спешке погрузили в микроавтобус и в сопровождении милицейского конвоя повезли в сторону Тбилиси. Через несколько часов пути недалеко от грузинской границы кортеж остановился, азербайджанец в погонах майора заглянул в салон и велел всем выйти с вещами. Ребята из бригады почувствовали неладное, заволновались, но майор успокоил, дескать, чисто формальная проверка перед въездом в другую республику, а Бурцев сразу понял, что ищут. Один из милиционеров начал обыскивать микроавтобус, остальные принялись перетряхивать личные вещи и досматривать одежду пассажиров. Двойное дно было сделано довольно искусно, хотя и из подручных материалов, однако при тщательном осмотре его обнаружили, возможно, потому, что искали тайник.

Майор выгреб дискеты, не поленился уложить назад содержимое чемодана и приказал пересесть в легковую машину. Товарищи Бурцева сделали попытку отбить его: их поставили под автоматы, затем посадили в микроавтобус, который вскоре укатил к границе. Майор связался с кем-то по радиостанции, после чего Сергея на милицейской «Волге» повезли в обратную сторону.

Все это было не произволом местной власти, а спланированной операцией, управляемой оттуда, с горных вершин, где дымный след таял в воздухе и становился незримым. Кто-то тщательно обрубал концы, перекрывал малейшую утечку информации о путях поступления оружия. Это означало, что Бурцев непроизвольно влез в чужую большую игру, которая имела некую глубинную связь с людьми, разрывающими чужие могилы и желающими пить из кубков-черепов. Их связывало одно – незримость существования, неуловимость, способность не оставлять никаких следов и улик. Так что, если найдут оставшиеся две дискеты в хлебе, – живым не отпустят, а найдут их обязательно, поскольку все вещи отобрали, в том числе и сумку с продуктами. Стоит попасть в руки хорошему оперу: сопровождающий майор, похоже, обыкновенный сотрудник ГАИ. Тем более Сергей уже сделал ошибку – попросил вернуть сумку,

дескать, целый день ничего не ел, на что конвоиры сразу же сделали стойку, пообещав поставить его на казенное довольствие, и не отдали продукты. Вырваться от них силой пока было невозможно: по бокам подпирали воняющие потом небритые молодцы в милицейских погонах с короткими автоматами в руках, а впереди сидели водитель и майор.

К поселку Мир-Башир они подъехали в сумерках, и сразу стала заметна напряженная осторожность в поведении охраны. Говорили на азербайджанском, и по отдельным словам Бурцев понял, что идет спор, по какой дороге безопаснее двигаться дальше. Договориться они так и не смогли, а потому загнали «Волгу» на какой-то проселок, и майор вылез из машины, чтобы связаться с начальством по радио, – кажется, просил кого-то выехать навстречу. Вернулся он повеселевший, но едва открыл дверцу, как возле автомобиля словно из-под земли возникли четверо бородачей с автоматами. Эти говорили на ломаном русском и тоже напоминали сельских трактористов. Майора тут же уложили на землю вниз лицом, а всем остальным приказали выйти из машины, оставив там оружие. От размягченных и послушных милиционеров сильнее завоняло потом, без всякого сопротивления они выполнили команду и тоже оказались на земле. А Бурцева поставили у капота, один из бородачей ткнул стволом в живот:

– Кто такой? Почему с ними?

– Я из пожарной охраны нефтепромыслов. Эти задержали на дороге, – на ходу сочинял Сергей. – Отобрали вещи, хотели убить...

Он опасался проверки документов и того, что майор начнет опровергать вранье и можно попасть из огня да в полымя, но тот пыхтел в дорожной пыли и молчал: здесь были свои разборки – воистину говорят, Восток – дело тонкое...

– Возьми вещи, иди, – сказал бородач. – Никто не тронет.

Бурцев достал из багажника сумку с продуктами и, оставив чемодан, без оглядки пошел по дороге. Едва успел сделать два десятка шагов, как за спиной ударили автоматы.

Азербайджанцев расстреляли лежащими, с завидным хладнокровием.

Российская империя, как гигантская льдина в штормовом океане, крошилась и обламывалась по краям, не выдерживая наката волн. Пока еще было полное ощущение, что, подчиняясь законам океанических течений, этот айсберг плывет вперед, но уже остановилось поступательное движение, и неведомый водоворот закручивал его, вращал на одном месте, и у народов, населяющих неуправляемый континент, начиналось головокружение. Периферийная часть материка, повинувшись центробежным силам, раскалывалась на мелкие частицы и пускалась в свободное и опасное плавание без руля и ветрил, однако при этом оставалась твердая надежда, что в самый кратчайший срок попавшие в несчастное положение люди образумятся и станут пригребать к своему привычному берегу. Осознание беды приходит быстрее там, где не только небо, но и твердь под ногами с овчинку, где каждый девятый вал может стать последним в истории народа и где, наконец, ледяная купель скорее приводит в чувство и снимает хмель.

Так думал Сергей Бурцев, пробираясь в Россию сквозь Азербайджан и Грузию то на поездах, то на попутном автотранспорте. Можно было зайти в прокуратуру любого города и попросить помощи, предъявив документы, но в республиках, пока еще союзных, ощущалось безотчетное стремление к самостоятельному плаванью: народы утратили чувство самосохранения и память, словно не было в их истории ни подобного опыта, ни трагических страниц, когда над головами витала реальная угроза полного истребления. Внешне люди оставались прежними, привычными глазу, однако в воздухе чувствовалась – нет, еще не ненависть, но уже нелюбовь к народу, которого еще недавно именовали старшим братом, а теперь обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Вместо хлеба запросто могли протянуть камень...

Он миновал взволнованную Грузию и уже в приграничной полосе, когда Россия была совсем рядом, внезапно ощутил сигнал тревоги: на посту ГАИ начали проверять документы, а потом обыскивать. Удостоверение следователя Генпрокуратуры пришлось засунуть в решетчатый зев автомобильной печки попутного «КамАЗа», на котором Бурцев перевалил через

Кавказский хребет. И вовремя, ибо минутой позже его заставили раздеться догола и прощупали всю одежду – будто бы искали наркотики. По тому, как перетряхивали сумку с пожитками и початой булкой зачерствевшего хлеба, как изучали паспорт и расспрашивали, откуда и куда, он зримо видел подступившую опасность. Вряд ли конкретно искали его, однако степень самоуправства, беззакония и той самой нелюбви была настолько высокой, что звенела, как перетянутая струна: малейшее неосторожное движение, и можно попасть неизвестно в чьи руки, а потом и вовсе сгинуть без всякой причины, например за найденные дискеты, за то, что слишком подозрительный вид – недельная щетина, как у механизатора в страду, отлично сшитый, дорогой, но грязный костюм при явной вельможности во взоре и повадках...

И здесь пронесло. Передвигаясь по России, Сергей и тут напрочь отказался от мысли обратиться за помощью. В срединной части страны-айсберга его безумное вращение ощущалось менее, чем на окраинах, охваченных буйным, огненным сумасшествием, а ближе к центру и вовсе сходило на нет, но при этом Бурцев чувствовал постоянное умопомешательство, напоминающее вялотекущую шизофрению, когда утрачивается реальность и смысл бытия, когда люди испытывают восторг и удовольствие, бичуя самих себя, окружающих, собственных предков, свою историю и страну. И, словно сектанты, в этом мазохистском устремлении видят единственный путь к очищению.

А самый центр империи, ее ось, на первый взгляд находящаяся в полном покое, на деле обладала всеми свойствами периферии, переживая качественные изменения при незримой перекристаллизации материи, разума и духа.

Бурцев почувствовал это, когда перешагнул порог прокуратуры, где его уже похоронили, и когда достал из сумки хлеб, ссохшийся в камень. Он рассчитывал продолжить следствие по делу об оружии, поступающем в «горячие точки», и если не выявить, то хотя бы обозначить круг, из которого исходит злая воля, однако Сергея под видом отпуска отстранили от работы, причем по инициативе сверху, и он догадывался, от кого исходит эта воля...

А драгоценные дискеты попросту взяли для изучения, и больше о них никто не слышал.

5

Тогда Бурцев еще не разошелся с Наденькой, но разругался вдрызг, перенеся служебные отношения к семейному очагу.

Спустя два месяца после возвращения из Карабаха, уже по осени, он впервые оказался в Студеницах – небольшом провинциальном городке на севере России – и тут внезапно почувствовал полный штиль. Сюда не докатывались волны, не долетали ни бури, ни ветры, и в подслеповатом солнечном свете бабьего лета недвижно мерцала в воздухе серебристая паутина и пыль времен. Несколько дней подряд, пока изучал материалы в районной прокуратуре, ходил очарованный и часто забывал, ради чего приехал в это спокойное, существующее вне времени и пространства место. Жители городка ходили по улицам тихо и беспричинно улыбались, словно блаженные. Задай им пустяковый вопрос – смущаются, краснеют, не зная, как ответить приезжему человеку, а минуту поговоришь, так уж и в гости приглашают...

А еще казалось, будто здесь невероятно низкое небо. Не облака, не тучи – космическая насыщенная и светящаяся голубизна днем и звезды ночью. Протяни руку, приподнимись на носках, и достанешь.

Здесь он откровенно отдыхал, еще не подозревая, чем обернется эта командировка.

Дело по сравнению с прежними было совсем несложное – ошибочный выстрел на охоте, в результате чего был смертельно ранен переводчик охотничьего клуба «Русская ловля» Николай Кузминых: в специально отведенные угодья привозили иностранцев на отстрел медведей, кабанов и глухарей на токах. Сафари в России было делом новым, егеря, набранные из местных охотников-любителей, не знали ни языков, ни элементарных правил безопасности, всецело полагаясь на Божью волю как на главное условие счастья, везения и удачи. Впрочем, в этих благословенных краях такое отношение к жизни и миру было естественным, тут еще действовали неписанные законы и все десять заповедей.

Разумеется, Бурцев несколько идеализировал и городок Студеницы с его населением, и нравы, и природу, чувствуя подспудно, что не так уж все тут гладко, однако ему после Карабаха и Москвы очень хотелось, чтобы существовал на земле такой уголок, где люди не стреляют, не звереют, не отсекают голов, чтобы делать кубки, и никуда не стремятся.

Но вот надо же было такому случиться – вместо медведя завалили хорошего молодого парня, армейского капитана, демобилизованного год назад. Николая Кузминых знал весь городок, и всем городком его жалели, сетуя на судьбу-злодейку, ибо некого было винить, да и неловко: роковой выстрел совершил иностранный охотник – голландец по имени Гюнтер, плохо проинструктированный и вдобавок нервный. Ну что с него взять? Поэтому заодно жалели и этого невольного убийцу, который теперь сидел за решеткой следственного изолятора: ведь и передачи принести некому, и дома у него, в Голландии, поди, родители плачут-убиваются. Что говорить, оба несчастные...

Вообще здесь жалели всех. До этого несчастья несколько лет назад случилось другое, можно сказать, предпоследнее: после падения с мотоцикла зимой сошел с ума инженер-электрик с подстанции Валентин Иннокентьевич Прозоров, и этот случай помнили до сих пор.

Об убийстве Кузминых тоже сложилась легенда, она дословно излагалась в уголовном деле. Бурцев изучил его вдоль и поперек, произвел дополнительную баллистическую экспертизу и следственный эксперимент, до малейшей детали восстанавливающий событие, после чего трижды допросил подозреваемого Гюнтера, всякий раз сверяя показания с прежними. И ровным счетом ничего нового не обнаружил, еще раз подтвердив версию ошибочного выстрела и статью – «неосторожное убийство», по которой и возбудили уголовное дело.

Можно возвращаться в Москву, а дело передавать в суд. Оно стояло особняком только потому, что подозреваемым являлся иностранный гражданин, а это значит – контроль у Ген-

прокурора и в Министерстве иностранных дел. Однако раньше как-то обходились в таких случаях без командировок на место происшествия, и Бурцев подозревал, что Фемида отправила его с единственной целью – развеяться и обоим полечить временем и расстоянием тяжелое заболевание семейных отношений.

В общем, спешить в столицу не было нужды, а события в Студеницах всерьез заинтересовали Бурцева.

С голландцем все казалось более-менее понятно. В Россию он приехал через охотничий клуб «Сафари», который в прошлом году установил тесные связи с клубом «Русская ловля», заплатил за удовольствие хорошие деньги – пятнадцать тысяч долларов, привез с собой однозарядную винтовку «Манлихер» калибра 9,3 миллиметра с оптическим прицелом, оборудованным лазерной насадкой для стрельбы ночью. Из этого оружия и был произведен трагический выстрел.

Около четырех утра, когда медведи выходят на кормежку в овсяные поля, Гюнтер с егерем Вохминым отправились на охоту с подхода. Такой вид добычи зверя считается довольно опасным и рискованным мероприятием, требующим крепких нервов, уверенной руки и способности передвигаться бесшумно. Голландец такими качествами обладал – это отмечал егерь, хотя он в то утро был с сильного похмелья. Обходя поле вдоль кромки, на расстоянии ста семидесяти четырех метров Гюнтер увидел впереди темный движущийся объект, напоминающий бредущего медведя. Вохмин указал на него рукой, но не давал команды стрелять – было далеко, однако голландец расценил это иначе, вскинул винтовку и моментально выстрелил. Егерь тем временем держал карабин на изготовку, чтобы в случае чего подстраховать охотника и добить подранка. Но делать этого не пришлось, темный объект рухнул в овес и больше не шевелился. Вохмин поздравил Гюнтера с полем, достал нож и пошел к добыче первым, чтобы перерезать горло и спустить кровь. Он уверял, что с расстояния в двадцать метров еще отчетливо видел спину и лапу убитого зверя, лежащего на боку, однако через несколько шагов с ужасом заметил, что это человек в камуфляже. Тяжелая охотничья пуля попала точно в середину груди, отчего изорвало легкие и выбило седьмой позвонок.

Голландец вначале не мог вымолвить ни слова и, когда прошел шок, упал в овес, кричал, плакал и царапал землю, после чего случился нервный припадок. Гюнтер бегал по полю и смеялся со страшным оскалом. Вохмин же был уверен, что убитый переводчик Николай Кузминых не иначе как оборотень, но, чтобы не распускать дурных сплетен по городку, поделился своими соображениями только со следователем. Дело в том, что дядя Николая, Алексей Владимирович, был директором студеницкой школы, человеком уважаемым, и егерь когда-то у него учился.

Получалось, что похмельный Вохмин не так уж далек от истины, ибо и Гюнтер утверждал, что в оптический прицел он точно видел морду зверя, идущего на задних лапах.

Сомнений и разнотолков тут было достаточно. Если охотник стрелял, по сути, навскидку, успел ли он что-то рассмотреть? Даже в оптический восьмикратный прицел, поскольку самому опытному снайперу требуется не менее секунды, чтобы поймать цель в зону видимости, а потом и в перекрестье? Скорее всего здесь сработал психологический обман зрения: голландец хотел увидеть медведя, думал о нем, искал глазами и мог увидеть его в любом темном предмете, что часто и происходит с охотниками. К тому же он первый раз в жизни ходил на такого зверя, а как показал следственный эксперимент, стрелком Гюнтер оказался заурядным. Из десяти выстрелов, произведенных им при повторе ситуации, голландец попал в мишень всего раз, и то по краю. Так что его трагическое попадание можно было отнести к разряду рокового случая.

По крайней мере в этой части события действия голландца логически объяснялись и не вызывали особенных подозрений. Иное дело – сам потерпевший. Во-первых, почему он появился на этом поле, когда должен был находиться в трех километрах отсюда, за лесным массивом на овсах, посеянных специально для подкормки зверей? Переводчик вышел на охоту

с другим иностранцем по имени Эдгар примерно на час раньше, чем Гюнтер и Вохмин. Пути их никак не могли пересечься, ибо тогда следовало идти через лес, где нет ни тропинок, ни дорог. Что заставило Николая Кузминых продираться сквозь густую тайгу на колхозное поле, оставив подопечного иностранца одного на кормовой площадке? Знал ведь, что нельзя появляться в овсах, где идет охота, и все равно полез. Будто смерти искал...

Эдгар же ничего толком сказать не мог, хотя имел возможность объясняться с переводчиком как угодно – Николай отлично владел четырьмя языками, в том числе голландским. Он уверял, что Кузминых запрещал разговаривать на охоте, и они сидели на лабазе молча, поджидали, когда на овсы выйдет медведь, который уже трещал где-то поблизости. Когда немного рассвело, переводчик неожиданно сделал какой-то не совсем понятный знак – то ли показывал пальцами, что идет медведь, то ли хотел сказать, что сам куда-то пойдет. Через две минуты он опять же знаком приказал Эдгару сидеть, сам же осторожно спустился с лабаза и скрылся в лесу. Иностранец решил, что Николай пошел искать трещащего в ельнике зверя, и послушно сидел до семи утра, пока за ним не пришли. Он сделал единственное нарушение в отсутствие переводчика – стал курить на лабазе, что категорически запрещалось.

Пять его окурков были собраны и приобщены к делу.

Кузмин считался опытным охотником и, разумеется, никогда бы не полез в тайгу искать там выходящего на жировку медведя: зверь услышит и почует человека много раньше, чем он, и бесшумно уйдет. Ответить на вопрос, почему он пошел через лес на колхозное поле, мог бы только сам Николай, который теперь лежал в земле на старом кладбище в городе Угличе Ярославской области, где его похоронили по настоянию дяди рядом с родителями, погибшими в автокатастрофе пять лет назад.

Можно было сослаться на судьбу, закрыть глаза на некоторые странности и нестыковки в материалах дела, – и не на такое закрывали! – отправить его в суд, написать для начальства подробный отчет и забыть эту печальную историю. Однако чем дольше Бурцев жил в Студеницах, тем сильнее ощущал интерес к этому делу: будто магнитом тянули к себе две эти личности – подозреваемый и потерпевший. Здесь, в благостном покое, не в пример Карабаху, еще дорого ценилась человеческая жизнь, еще привлекало к себе таинство ее существования... Растрескавшиеся, как пятки от дальних дорог, чувства неожиданно обнажались, становились тонкими, как вездесущая паутина бабьего лета.

А вообще-то ему просто хотелось пожить здесь лишние две-три недели, что Сергей тщательно скрывал от самого себя, и больше для собственного оправдания послал в Москву запросы на имеющуюся оперативную информацию по Николаю Кузминых и Гюнтеру. Интересными казались любые сведения, связанные с жизнью этих людей. Например, по какому злому року, по какому несправедливому и случайному стечению обстоятельств получилось так, что молодой, здоровый и образованный парень – закончил факультет иностранных языков педвуза – вдруг так глупо гибнет и ложится рядом со своими родителями на угличском кладбище? И его родители тоже уходят из жизни смертью такой же случайной и глупой! Что это? Судьба? Проклятие, висящее над семьей?

Конечно, никакая спецслужба не даст подобной информации; за нею нужно обращаться к астрологам, предсказателям или... к оставшимся в живых Кузминым. Например, обстоятельно расспросить дядю Николая, его сестру, однако Бурцев не хотел лишний раз травмировать этих и так измученных горем людей. Местный следователь, побывавший в их доме, предупредил, что там еще очень тяжело переживают потерю и справедливо никого не принимают, в том числе и работников правоохранительных органов. По сведениям словоохотливых горожан, знающих все и вся, семья Кузминых жила скромно, без излишеств и выделялась в среде простых людей только образованностью. Это была типичная провинциальная интеллигенция, корнями своими уходившая – и это было любопытно! – в старообрядчество. Бурцев решил для себя, что в

определенный момент он обязательно нанесет свой визит к ним, и оттягивал его лишь потому, что ждал оперативной информации.

На Николая Кузминых сведения пришли быстро, и, едва с ними ознакомившись, Сергей ощутил знакомую, распирающую грудь энергию. Не таким уж простым был этот переводчик охотничьего клуба, и вряд ли погиб он от ошибочного выстрела...

Родился Николай в Архангельской области, в селе, где и на самом деле лет триста жили старообрядцы, когда-то спрятавшись от церковного и царского наказания. Детство его прошло в маленьком провинциальном городке, однако когда Николай закончил школу, родители переехали в Мытищи Московской области, так что он был «домашним» студентом. Отец с матерью погибли, когда он сдавал госэкзамены в пединституте. Авария произошла на трассе в районе Наро-Фоминска, и сведения о ней в присланных материалах были слишком скудными. Старший Кузминых превысил скорость, не справился с управлением, и машина, слетев с асфальта, ударилась в бетонное основание рекламного щита. Тут было много вопросов, но самым главным Бурцеву показался один: почему их схоронили в Угличе, где Кузминых никогда не жили и не имели там родственников?

Надо было отдать должное воле и выдержке Николая: несмотря на трагедию, он на отлично сдал госэкзамены и получил красный диплом, освобождающий от обязательного распределения. После гибели родителей к Николаю и его сестре Наталье на постоянное жительство переехал дядя Алексей Владимирович со своей женой, они, по сути, заменили отца и мать. Спустя полтора месяца после трагедии произошла весьма странная история, которую можно было расценить как первое покушение на Николая. В Мытищах, поздно вечером, неподалеку от дома, его чуть не сбил неустановленный легковой автомобиль, который на большой скорости выскочил на тротуар. Спасла быстрая реакция и спортивность: в последний миг Николай подпрыгнул и, словно каскадер в кино, перелетел через машину, после чего с неопасными для жизни ушибами был доставлен в городскую больницу. По этому факту возбуждалось уголовное дело, которое было скоро благополучно прекращено. После этого случая Алексей Владимирович забрал все семейство и увез его сюда, в Студеницы.

И еще одна замечательная деталь, связанная с этими событиями: почтенный дядя во время переезда оставил свою жену, женился на другой женщине и стал не Поляковым, а Кузминых. И тут же, усыновив племянника и племянницу, наградил их этой фамилией.

В островных племенах Новой Гвинеи люди таким образом пытаются обмануть нечистую силу, считая, что изменение имени введет ее в заблуждение. Похоже, егерь Вохмин в какой-то степени был прав: оборотничество в этой семье наблюдалось...

После института Николай мог бы найти приличную работу – по тем временам красный диплом ценился, – однако он несколько лет проработал в школе учителем, а затем, когда предприимчивый бывший милиционер открыл элитный охотничий клуб «Русская ловля», подался туда переводчиком и егерем по совместительству.

И получил здесь свою пулю, так и не скрывшись от судьбы...

Но от судьбы ли?

Бурцев запросил дополнительные сведения об автокатастрофе под Наро-Фоминском, подробную информацию по факту дорожно-транспортного происшествия в Мытищах. Если Николай Кузминых был не просто чудачком и романтиком, то за всей его жизнью и жизнью его родителей стояло что-то особенное...

К Кузминых Бурцев отправился с утра. Жили они в двухэтажном купеческом особняке, сейчас отреставрированном и покрашенном в серый неброский цвет, причем дом стоял в окружении старых лип и с улицы плохо просматривался – типичная усадебная застройка прошлого века. Как выяснилось, дом оказался частным и, вероятно, стоил немалых денег, что директору провинциальной школы было явно не по карману.

Кованая узорная калитка оказалась запертой, на звонок из особняка вышел в прямом смысле богатырь – двухметровый огромный молодой человек, пышущий здоровьем, однако с ранними залысинами. Бурцев предъявил удостоверение и сообщил о цели визита, на что этот детинушка ответил категоричным отказом, дескать, Алексей Владимирович никого не принимает по известной причине и плохо себя чувствует.

– Я приехал из Москвы специально по этому делу, – попробовал объяснить Бурцев. – И мне необходимо встретиться с родственниками погибшего.

– Не вижу смысла такой встречи. – Богатырь говорил неожиданно тихим голосом, так что пришлось напрягать слух. – Следователь был у нас, и не один раз. Что же вы еще хотите? Николая от ваших бесед из могилы не поднять, а вот травмировать родственников можно.

– Так вы отказываетесь меня впустить?

– Считаю, это ни к чему.

– В таком случае я вынужден вызвать гражданина Кузминых по повестке, – пошел на хитрость Бурцев, обычно действующую в таких случаях. – Согласитесь, это еще хуже.

Детинушка спокойно посмотрел ему в глаза и отворил калитку:

– Входите. Я спрошу Алексея Владимировича, сможет ли он с вами побеседовать.

Молодой человек провел Сергея в переднюю, откуда вела широкая лестница на второй этаж, попросил подождать и минут на десять куда-то исчез. Было полное ощущение, что в этом чистом, ухоженном доме нет ни единой души, ощущением горя и скорби, казалось, тут был пропитан сам воздух. На вешалке у входа висел зимний офицерский камуфляж, принадлежавший Николаю: на рукаве фирменная зеленая эмблема клуба «Русская ловля». Судя по размеру, он был высоким и крепким парнем, немудрено принять за медведя...

Потом на лестнице послышались торопливые легкие шаги и показалась девушка лет семнадцати в длинном черном платье, с пепельными волосами, собранными и увязанными в жгут на затылке так туго, что кожа на лице, казалось, чуть натянулась. Она увидела гостя и остановилась на ступенях, не скрывая удивления и заметного девичьего испуга, мол, а это еще кто такой? Несомненно, перед Бурцевым была сестра Николая.

– Здравствуйте, – кивнул он. – Не бойтесь, я из прокуратуры.

– Я не боюсь, – проговорила она и тут же умолкла, потому что рядом с ней оказался этот богатырь, легко и неслышно спустившийся сверху.

– Ступай к дяде, – довольно строго сказал он. – Пора сделать укол.

Девушка пошла вверх, держась поближе к перилам, и, пока не скрылась, все смотрела вниз, на Бурцева, отчего тот почувствовал неожиданное смущение и одновременно желание, чтобы она не уходила. Не сказать, чтобы взгляд ее был манящим, завлекающим; скорее всего любопытным, оставляющим какую-то смутную надежду в мужской душе.

– К сожалению, Алексей Владимирович сейчас не сможет встать с постели, – сообщил детинушка. – Просил вас зайти послезавтра. Во второй половине дня.

Это был вежливый отказ. Можно приходить и послезавтра, и через неделю, но всякий раз будешь слышать одно и то же. И ничего тут не сделать: семья потерпевшего – это не семья обвиняемого...

– Хорошо, – согласился Бурцев и еще раз посмотрел на лестницу, где скрылась сестра Николая. – Только прошу больше не переносить сроков. Мне скоро уезжать.

И вдруг ощутил, что потерял волю и настойчивость. Еще несколько минут назад вполне был уверен, что не уйдет отсюда без разговора со старшим Кузминых, и не сомневался в твердости решения. А тут что-то произошло! Не мог же его, матерого мужчину, так смутить этот странный, невинно-пристальный взгляд сестры Николая...

Богатырь между тем заверял, что встреча состоится непременно и что Алексей Владимирович сам весьма заинтересован в ней, поскольку желает узнать подробности расследования. На том и разошлись.

Едва Бурцев покинул этот негостеприимный дом, как заметил позади себя человека, который грубо пытался выследить его, изображая случайного прохожего. Сергей сделал два ложных хода по переулкам, затем свернул к автомобильной стоянке и сделал вид, что отпирает машину – чужую, первую попавшуюся. «Хвост» заволновался, чем окончательно выдал себя, и тогда Бурцев в открытую подошел и спросил, что ему нужно. Филеру было лет за сорок, озираясь, он вдруг зашептал настороженным голосом:

– Прошу вас... только не здесь. Идите за мной!

– Кто такой? – спросил Сергей. – И куда я должен идти?

– За мной! За мной, я покажу. Здесь нас могут увидеть.

Через несколько минут незнакомец привел его к зданию городской больницы, попросил подождать и затем позвал в процедурный кабинет на первом этаже. Эта его самостоятельная конспирация вызывала улыбку, однако Бурцев решил довести дело до конца и скоро оказался в тесноватой комнатке, заставленной медицинскими шкафами.

– Моя фамилия Сливков! – представился незнакомец и, схватив руку, горячо и радостно стал ее трясти. – Яков Сливков, не слыхали? Должны были слышать!

– Нет, не доводилось, – не без сарказма отозвался Сергей. – Чем же вы знамениты?

– Как же? Как же? Я фельдшер! Тот самый фельдшер! А вы – представитель Генеральной прокуратуры, не так ли? И приехали расследовать дело по убийству Кузминых. Скажите, что, я не прав?

– Сдаюсь.

– Но вы неправильно ищите преступников. Это дело запутано умышленно, так, чтобы вы ничего не нашли, – уверенно заговорил фельдшер, отпустив наконец руку Бурцева. – Хотите, я подскажу, откуда нужно вести поиск? И вы сразу установите виновного!

– Хочу, – откровенно признался Сергей. – Выкладывайте!

– Все не так просто. Есть множество лишь косвенных улик. Вы имеете время выслушать? Имеете терпение? Не бойтесь, сюда никто не войдет, я запер дверь изнутри и убрал ключ. Только говорить надо шепотом, чтобы никто не услышал.

– Говорите!

Сливков усадил Бурцева на кушетку, а сам вдруг заволновался, ломая палцы, как опереточная актриса.

– Понимаете, в чем дело?.. Она была беременна! Я лично засвидетельствовал это, когда гражданин Прозоров тайно пригласил меня в свой дом. Примерно тридцать две недели беременности! Плод уже развернулся вниз головой и опустился... И она действительно родила! Без помощи медиков, в домашних условиях.

– Простите, фельдшер, кто – она? – перебил Сергей.

– Как – кто? Лидия Васильевна! Жена Прозорова! Эта старушка! Нет, история совершенно невероятная с точки зрения медицины, физиологии, но я засвидетельствовал это! Была беременность! А если она была, значит, были и роды, логично?

– Да уж...

– Потому что, если есть беременность, будут и роды!

– Логика железная...

– Эта старушка родила в возрасте семидесяти четырех лет! И плод был совершенно нормального развития, без явных патологий. – Он склонился к уху и зашептал: – На тридцать шестой неделе, ровно в срок, бабушка родила! Представляете? Я как специалист имею два мнения: или мы имеем уникальное явление природы, или роженица прибавила себе возраст, потому что выглядела много моложе своих лет. Много моложе!

– Ну вот что. – Бурцев встал. – Хватит мне морочить голову. При чем здесь беременная бабушка?

– Как при чем? – изумился фельдшер. – Она никогда не рожала! И не только не рожала, но и ни разу не беременела. Сама сказала мне об этом!.. И тут невероятное происшествие с точки зрения физиологии!

– Знаете, как вас там, – выругался про себя Бурцев. – Мне ровным счетом наплевать на физиологию и на вашу бабушку. Я занимаюсь абсолютно другим делом.

– Но вы же из Генеральной прокуратуры?!

– Из Генеральной. И потому откройте дверь, у меня очень много работы.

– Имейте вы терпение выслушать! – прикрикнул неожиданно фельдшер. – Неужели не понимаете, в чем вопрос?

– Не понимаю!

– Где ребенок? Где тот новорожденный, если состоялись роды? Живой или мертвый?

– Меня это не интересует! Откройте дверь.

– Почему не интересует? А если я скажу, что ребенок остался жив? Что роды прошли успешно?

– И слава богу!

– Как это – слава богу? Куда исчез ребенок? Его же нет! И могилка на кладбище пуста, ее проверяли! С какой целью спрятали новорожденного? И куда – вот в чем вопрос! Вы обязаны допросить гражданина Прозорова! И пусть он ответит, куда и с какой целью спрятал ребенка! Немедленно разыщите его и допросите! Милиция и врачи – все в сговоре, написали отрицательное заключение по бабушке и уехали ее в психушку, тоже спрятали, представляете? И Прозорова спрятали!

Упоминание о психушке вдруг натолкнуло Бурцева на мысль, что перед ним тоже не совсем здоровый человек, излагающий сейчас свою навязчивую идею.

– Хорошо, спрятали. Всех спрятали, – согласился он. – Изложите все это в письменном виде и принесите мне в прокуратуру.

– Ни в коем случае! – перепугался Сливков. – Я должен остаться инкогнито! Буду вашим тайным помощником. Без меня вам не разобраться в этом деле. Писать ничего не стану!

– А вы левой рукой, – посоветовал Бурцев.

– Ни левой, ни правой! Я так могу вам сказать: по моим наблюдениям, ребенок сейчас находится в доме Кузминых. Поэтому вас туда не пустили и не стали разговаривать. Кузминых прячут чужого ребенка, никому его не показывают, но я сам, сам видел его однажды вечером. Это девочка! И ей уже семь лет! Иногда ее выпускают во двор погулять, разумеется, под присмотром и с бдительной охраной. Вопрос: откуда у них эта девочка? Чья она? Кто ее родители? Николай не был женатым, его сестра сама почти ребенок. А Прозоров к директору школы ходил постоянно. Но всегда, прошу заметить, тайно, чтобы никто не видел. И выходил так же. Что-то приносил, уносил... Он отец ребенка! Мать – Лидия Васильевна. Подумайте сами, не могла же родить эту девочку сестра Николая. А там больше рожать некому.

– Почему не могла?

– Говорю же, девочке семь, а сестре – семнадцать. В десять лет, извините, не рожают. Это уж мне поверьте.

– Почему бы и нет, если старуха родила в семьдесят четыре? – съязвил Сергей.

– Исключено! Невозможно! И между прочим, жена Алексея Владимировича тоже не могла родить эту девочку!

– Но почему? Насколько мне известно, его жене Ольге под тридцать.

Фельдшер погрозил пальцем, загадочно улыбнулся:

– Не могла! Никак не могла! Потому что девственница!

– Откуда это вам известно?

– Что? Что девочка живет у Кузминых?

– Я спрашиваю о жене Алексея Владимировича. Как это возможно, если она замужем?

– Это еще одна загадка семьи! – прошептал фельдшер. – Только этого никто не видит, не замечает в городе. А Кузминых умело распространяют о себе мнение открытых, добропорядочных людей, так называемой провинциальной интеллигенции. На самом деле они не те, совсем не те, за кого себя выдают! Понимаете? Николая убили не случайно, не по ошибке. Тут есть тайна!

– Ну ладно, а с чего вы взяли, что она девственница? Проверяли? – уже с явным издевательством спросил Бурцев, чувствуя неприязнь к этому всезнающему фельдшеру.

– Проверял. Наблюдал ее как гинеколог. Дважды обращалась, – с профессиональной невозмутимостью сказал Сливков. – Первый раз типичная простуда, во второй – застойные явления в малом тазу... Так теперь имеете понятие, чья у Кузминых девочка?

– Может, вы что-то путаете? У Николая есть сестра Наталья...

– Нет, вы бестолковый человек! – возмутился фельдшер. – Говорю же, это не сестра! Наталью я отлично знаю! Тоже наблюдал...

– Как гинеколог? – с иронией спросил он.

– Да нет, как... гражданин. Тоже странная девица, и содержат ее как барыню. В школу проводят или на машине отвезут, потом встретят. Без взрослых – ни на шаг из дома. Сейчас на юридический поступила, студентка Санкт-Петербургского университета!

– И что же в этом особенного? – Бурцев окончательно терял терпение.

– Вы же следователь! И ничего не видите!.. Почему люди прячут чужого ребенка? Откуда он, кто? Почему? Сколько вопросов!

– Но как это все связывается с убийством Кузминых? При чем здесь ребенок?

– Ах да! Забыл! Сразу хотел сказать, но столько информации... – Сливков сделал паузу перед решающим признанием. – Этот голландец убил Николая не случайно, а умышленно. Потому что за день до происшествия на охотбазу «Русской ловли» ночью приезжал человек. Лица толком не разглядел, темно было. Он встретился с этим Гюнтером и проговорил один на один целых полчаса, на немецком языке. Но приезжий был русский. Я разобрал немного, но точно понял: речь шла о том, чтобы Гюнтер потребовал устроить ему охоту на медведя не с лабаза, а с подхода.

– Хорошо знаете немецкий? Это не фантазии? Не ошибка?

– Занимался когда-то самостоятельно, ездил в ГДР по путевке...

– Куда потом делся этот приезжий?

– Вероятно, поселился в гостинице. Раза два я видел его машину на гостиничной стоянке. Но и подумать тогда не мог...

– Как же вы оказались ночью на охотбазе?

– Из любопытства, иностранцы же, посмотреть, какие они... А когда Николая убили, машина от гостиницы исчезла и появилась только раз, когда его в Углич повезли хоронить. Случайно увидел возле универмага, только номер уже был другой.

– А вы не ошибаетесь? Слишком много случайностей, – усомнился Бурцев, однако фельдшер подумал и уверенно покачал головой:

– Никогда не ошибаюсь. Мои ошибки слишком дорого стоят. Я очень внимательный и наблюдательный человек. Если что заинтересует, я потом автоматически отмечаю всякие изменения и новые ситуации. Вроде бы и не нужно, а глаза работают и голова тоже. Вот, например, – он снова вернулся к семье Кузминых, – я про родственников Николая столько всего запомнил, и все свежо. Допустим, точно знаю, это не первый случай, когда они кого-нибудь тайно содержат в своем доме. Был там еще один человек, глубокий старик, лет девяноста, и тоже никому не показывали. Но я его видел несколько раз. По ночам выходил во двор подышать свежим воздухом. Девочка гуляла еще засветло, а старичок исключительно ночью и тоже под присмотром. Я наблюдал его целый год! А потом он умер. Его тайно куда-то увезли и похоронили.

Бурцева словно током пробило от последних слов.

– Увезли? И похоронили? – переспросил он вслух, мгновенно вспомнив окованный золотом череп-кубок.

– Должен заметить, без всякого медицинского освидетельствования и документального подтверждения смерти.

– Когда это было? Хотя бы примерно?!

– Тише, не кричите, – фельдшер обрадовался, что наконец-то заинтересовал следователя. – Могу сказать точно – три года назад, зимой. Откуда и когда он взялся у Кузминых, не знаю, но увезли его мертвого в легковой машине. Завернули в ковер... Представляете, и это интеллигентные люди!

Неизвестного старца похоронили в Зубцовске тоже три года назад, в восемьдесят седьмом...

– Кому еще говорили об этом? – Бурцев подтянул к себе Сливкова – тот с достоинством освободился, поправил ворот рубашки.

– Неоднократно писал в областную прокуратуру, естественно анонимно, никто не обратил внимания. Вы же понимаете, не могу открыть своего имени, Студеницы – городок очень маленький, а эта загадочная семья Кузминых и все, кто к ним приезжает, представляют определенную опасность... Почему они увезли хоронить Николая в другой город? Почему именно в Углич? Что это за традиция – увозить и прятать покойников?.. И еще, подумайте, отчего это жена Алексея Владимировича, Ольга, не вернулась с похорон? Да-да, та самая жена-девственница?

– А она что, не вернулась? – окончательно обескураженный, спросил Бурцев.

– И не вернется, – уверенно заявил фельдшер. – Потому что заочно выписалась. И никто не знает, жива ли она...

– Скажите, а у этой старушки родственники есть в городе?

– Никого! Одинокая была... Но в доме у нее сейчас живет квартирантка! – вспомнил Сливков. – Даже не квартирантка, а как бы сказать... последовательница этого самого Прозорова. Молодая, красивая женщина, учительница, но живет странно!

– Обливается водой на морозе? Ходит босой по снегу?

– И не только! В ней что-то колдовское есть. Ученики ее обожают, а я боюсь, она их в секту свою незаметно всех переманит. Это дело надо остановить!

– Остановим, – пообещал Бурцев, чувствуя какое-то странное оцепенение мыслей и чувств.

6

После гибели племянника Алексей Владимирович срочно вызвал его сестру из Санкт-Петербурга, где она только начала учиться на юридическом факультете, и буквально посадил под замок, не разрешая выходить даже во дворик собственного дома. Мало того, запретил приближаться к расшторенным окнам, говорить по телефону и снимать трубку, когда кто-то звонит. Он не пустил ее в Углич на похороны Николая, оставив в забаррикадированном доме вместе с дальним родственником Василием, прибывшим сразу же, как получили известие о трагедии. Этот тридцатилетний детинушка, разумеется, никаким боком к семье Кузминых не относился – дядя представлял родственниками всех, кто приезжал и останавливался у них, – а скорее всего был вызван для помощи и охраны. У Васи был добродушный вид из-за ранних глубоких залысин и розового румянца, но внешность его оказалась обманчивой, ибо, наблюдая за порядком и безопасностью в доме, он проявлял неумолимую жесткость и рубил на корню все просьбы о прогулке. Не действовали ни комплименты его богатырской силе, ни хитрости и уловки. Однажды, когда ночью Наталья не могла заснуть и расплакалась, вспоминая брата, Вася услышал, хотя находился далеко, на первом этаже, пришел, молча сел рядом и гладил ее волосы целый час. Алексей Владимирович с женой Ольгой тогда еще находились в Угличе на похоронах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.